

Лебрута
алеи Ла

#У каждой женщины есть сундук
#свет дома
#кыismet
#поешь
#бархатная сила

Татарская жена

Лебрута Ла Татарская жена

<https://litres.ru/74448919>

Аннотация

Знаете, что больше всего? Не факт измены. Не чужая женщина. Не ложь. Больше всего - узнавание. Когда видишь свои жесты - в его руках. Свои интонации - в его голосе. Свою нежность - но направленную мимо. Как луч фонарика, который светил тебе в лицо три года, а потом кто-то повернул его - на два градуса - и ты осталась в темноте.

Он не стал хуже ко мне. Не стал грубым. Не стал холодным.
Он стал вежливым.

А вежливость между мужем и женой - это приговор

И я наконец разрыдалась.

Громко. Некрасиво. С соплями, с хрипами, с тем звериным воем, который идет не из горла - из живота. Из того места, где правда#

У японцев есть самураи. У татар - жены. Та же верность. Та же сталь внутри. Только вместо меча - руки в муке. Вместо кодекса чести - мудрость, что передается шепотом от матери к дочери уже тысячу лет. ☆☆

Сундук на чердаке. Три тетради. Четыре судьбы.

Прабабушка - проданная за долги в шестнадцать лет и превратившая чужой дом в крепость.

Бабушка - ушедшая за любовью против воли матери и потерявшая себя на двадцать лет.

Мама - оставшаяся с мужем, когда все кричали «беги», и тысячу дней молча ставившая перед ним тарелку каши. Пока он не выбрался.

И Асия - правнучка, внучка, дочь. Она думала, что древняя мудрость - не про нее. Пока не открыла сундук.

Муж - опора дома. Жена - свет.

Опора может треснуть. Свет - никогда не гаснет.

Сколько раз ты осталась - вот мера твоей силы.

Не сколько ушла. Не сколько победила. Сколько раз осталась, когда хотелось бежать - и превратила руины в дом.

Книга, которая пахнет тестом и медом.

Книга, которую ты передашь дочери.

Она никогда не говорила «я тебя люблю»

Она говорила «поешь»

Теперь ты знаешь - это одно и то же

Содержание

# ПРОЛОГ #	8
◆ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ◆ СУНДУК	14
✧ Глава 1 ✧ ✱ Три часа ночи ✱	17
✧ Глава 2 ✧ ✱ Запах дома ✱	19
✧ Притча первая ✧ О руках, которые помнят	21
✧ Глава 3 ✧ ✱ Женщины говорят ✱	22
✧ Мудрость первая ✧ ✧ О свете, который не гаснет ✧	24
✧ Глава 4 ✧ ✱ Чердак ✱	25
✧ Притча вторая ✧ О сундуке, который ждёт	27
◆ ЧАСТЬ ВТОРАЯ ◆ ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ	28
✧ Глава 5 ✧ ✱ Девочка в зелёном ✱	29
✧ Глава 6 ✧ ✱ Первое слово ✱	31
✧ Мудрость вторая ✧ ✧ Накорми — и возьми сердце ✧	32
✧ Глава 7 ✧ ✱ Волчонок ✱	33
✧ Притча третья ✧ О воде и камне	34
✧ Глава 8 ✧ ✱ Год ✱	35
✧ Мудрость третья ✧ ✧ О любви, которую выращивают ✧	37
✧ Глава 9 ✧ ✱ Война и хлеб ✱	38
✧ Притча четвёртая ✧ Сколько раз ты осталась	39
✧ Глава 10 ✧ ✱ Завещание Зайтуны ✱	40

◆ ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ◆ ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ	42
✧ Глава 11 ✧ ✱ Девушка, которая ушла ✱	43
✧ Глава 12 ✧ ✱ Другая жизнь ✱	44
✧ Глава 13 ✧ ✱ Точка ✱	45
✧ Мудрость четвёртая ✧ ✧ О доме, который внутри ✧	46
✧ Глава 14 ✧ ✱ Калфак ✱	47
✧ Притча пятая ✧ О блудной дочери	48
✧ Глава 16 ✧ ✱ Письмо, которое не отправила ✱	49
✧ Мудрость пятая ✧ ✧ О корнях и крыльях ✧	51
✧ Глава 15 ✧ ✱ Чак-чак ✱	52
✧ Глава 17 ✧ ✱ Две дочери ✱	54
✧ Глава 18 ✧ ✱ Последний разговор ✱	56
✧ Притча шестая ✧ О последних словах	58
✧ Глава 19 ✧ ✱ Завещание Миляуши ✱	59
◆ ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ ◆ ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ	61
✧ Глава 20 ✧ ✱ Девяностые ✱	62
✧ Глава 21 ✧ ✱ Разговор с мамой ✱	64
✧ Мудрость шестая ✧ ✧ О клятвах и границах ✧	66
✧ Глава 22 ✧ ✱ Каша по утрам ✱	67
✧ Притча седьмая ✧ О капле, которая точит камень	69
✧ Глава 23 ✧ ✱ После ✱	70
✧ Глава 24 ✧ ✱ Письмо Асие ✱	72

◆ ЧАСТЬ ПЯТАЯ ◆ ВОЗВРАЩЕНИЕ	74
✧ Глава 25 ✧ ✱ Звонок ✱	75
✧ Глава 26 ✧ ✱ Разговор с мамой ✱	77
✧ Мудрость седьмая ✧ ✧ О страхе и свободе ✧	80
✧ Глава 27 ✧ ✱ Месяц в Казани ✱	81
✧ Глава 28 ✧ ✱ Кладбище ✱	83
✧ Притча восьмая ✧ О ниточке	85
✧ Глава 29 ✧ ✱ Возвращение ✱	86
✧ Мудрость восьмая ✧ ✧ О времени ✧	88
✧ Глава 30 ✧ ✱ Год спустя ✱	89
✧ Эпилог ✧ ✱ Свет не гаснет ✱	91
# Послесловие #	93
✧ Главная мудрость ✧ ✧ Сколько раз ты осталась ✧	94
✧ Глава особая ✧ ✱ Татарская страсть ✱	95
✧ Мудрость о страсти ✧ ✧ Огонь, который горит тихо ✧	115
✧ Глава особая ✧ ✱ Бархатная сила ✱	117
✧ Мудрость о нежности ✧	140
✧ Загадка женщины ✧	141
✧ Женственность ✧	142
✧ Глава бонусная ✧ ✱ Секреты татарской кухни ✱	144
✧ Рецепты с любовью ✧	161
✧ Мудрость кухни ✧	164
◆ ЧАСТЬ ШЕСТАЯ ◆ ЧЕТВЕРТАЯ ТЕТРАДЬ	165

✧ Глава 31 ✧ ✱ Запах лжи ✱	166
Конец ознакомительного фрагмента.	169

ПРОЛОГ

Поешь

Моя бабушка никогда не говорила «я тебя люблю».

Она говорила «поешь». И в этом коротком слове было больше любви, чем во всех признаниях мира. Больше нежности, чем в тысяче объятий. Больше правды, чем в клятвах, которые так легко давать и так легко нарушать.

Поешь.

Одно слово. Целая вселенная.

Когда дед вернулся с войны контуженный, с трясущимися руками и глазами, в которых ещё жил Сталинград — бабушка не плакала. Не причитала. Не заламывала руки, как соседки. Она месила тесто на бэлиш. Каждый день. Год. Пока его руки не перестали дрожать. Пока глаза не оттаяли. Пока он снова не начал смеяться — а смех у деда был густой, раскатистый, на всю улицу слышно.

Она не спрашивала «как ты себя чувствуешь?». Не требовала разговоров о войне. Она просто ставила перед ним тарелку — горячую, дымящуюся, полную любви, которую можно съесть — и говорила своё волшебное слово.

Поешь.

И он ел. И оживал. По кусочку. По ложке. По глотку крепкого чая из пиалы с синим узором.

Я узнала эту историю только после её смерти. Из тетради с

пожелтевшими страницами. Из сундука на чердаке, который ждал меня — оказывается — всю мою жизнь.

Мне двадцать восемь. Живу в Питере. Работаю в айти — тимлид, хорошая зарплата, смузи по утрам и йога по четвергам. Всё как положено современной успешной женщине.

Встречаюсь с мужчиной, который «пока не готов». К детям не готов. К свадьбе не готов. К решениям не готов. Три года «пока не готов». А я жду. Потому что боюсь остаться одна. Потому что все подруги уже замужем. Потому что «а вдруг лучше не будет».

Смешно, да?

Татарская женщина — боится остаться одна. Правнучка Зайтуны, которая в шестнадцать лет вошла в чужой дом и сделала его своим. Внучка Миляуши, которая ушла за любовью через полстраны и не побоялась вернуться. Дочь Нафисы, которая держала семью на плечах, когда всё рушилось.

А я — боюсь.

Бабушка бы посмеялась. Или нет — она бы молча поставила передо мной пиалу с чаем, положила кусочек чак-чака и посмотрела своим особенным взглядом. Тем, от которого хочется немедленно стать лучше.

Я думала, что всё это — бабушкины традиции, калфаки, чак-чаки, долгие чаепития, суры перед сном — не про меня. Пережиток. Прошлый век. То, от чего нужно освободиться, чтобы стать современной.

А потом бабушка умерла.

И я приехала в Казань на три дня. А осталась на месяц.
Потому что открыла сундук.

Татарская жена — это не роль. Это кысмет. Судьба, вписанная в кровь задолго до твоего рождения.

Это когда твоя сила измеряется не голосом, а тишиной. Не словами, а тем, что за словами. Не уходами — а тем, сколько раз ты осталась.

Сколько раз ты осталась.

Запомни это. Пожалуйста, запомни.

Любой может уйти. Хлопнуть дверью. Сказать «с меня хватит». Это легко. Это даже модно сейчас — уходить. Выбирать себя. Не терпеть. В инстаграме полно цитат про «токсичные отношения» и «ты заслуживаешь лучшего».

Но остаться...

Остаться, когда трудно. Когда хочется сбежать. Остаться — и превратить трудное в прекрасное.

Вот что значит быть татарской женой.

Не терпилой. Не жертвой. Не «тряпкой», как сказала бы моя питерская подруга Маша.

Воином. Садовником. Светом.

Муж — опора дома. Жена — свет дома.

Так говорила бабушка. Так говорила её мать. И мать её матери.

Опора может треснуть. Согнуться. Устать.

Свет — не гаснет. Никогда.

Даже в самую тёмную ночь. Даже когда кажется — всё,

конец. Свет горит. Тихий, упрямый, вечный.

Женщина — это свет.

И в этом — не слабость. В этом — сила. Та самая, настоящая, о которой не пишут в умных книжках про феминизм. Та, которую не измеришь деньгами, должностями, лайками. Та, которая передаётся от матери к дочери — вместе с рецептом чак-чака и колыбельной на ночь.

У японцев есть самураи. Воины чести.

У нас — татарские жёны.

Та же верность. Та же сталь внутри. Та же честь, которую не продашь.

Только вместо меча — скалка. Вместо катаны — руки в муке. Вместо кодекса бусидо — заветы наших бабушек, передаваемые шёпотом, от сердца к сердцу.

Самурай умирает за господина.

Татарская жена живёт за семью.

Что труднее? Не знаю. Наверное — одинаково. Просто по-разному.

Эта книга — о них. О тех, кто был до меня. О женщинах моей крови. О трёх тетрадях из старого сундука.

Прабабушка Зайтуна — выданная замуж в шестнадцать и превратившая чужой дом в свой.

Бабушка Миляуша — ушедшая за любовью и нашедшая себя.

Мама Нафиса — оставшаяся, когда все говорили «уйди». Три женщины. Три судьбы. Одна сила.

И я — Асия. Которая думала, что это всё не про неё.
Которая ошибалась.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ # СУНДУК

«У каждой женщины есть сундук. Не тот, что на чердаке. Другой — внутри. В нём память рода. Ключ — в твоих руках»

Приглашаю в первую книгу моих цыганских сказок #####

«Ты (не) мой Сулейман»

<https://litnet.com/shrt/dbSw>

Читать бесплатно по ссылке #####

Глава 1 # # Три часа ночи

Телефон зазвонил в три часа ночи — время, когда хорошие новости спят, а плохие не ждут.

Я знала ещё до того, как взяла трубку. Что-то внутри сжалось и замерло — то ли сердце, то ли древняя память рода.

— Асия, — мамин голос звучал ровно, слишком ровно. — Бабушка... ушла. Тихо, во сне. Прилетай.

И всё. Короткие гудки.

Никаких «как ты?», никаких утешений. По-татарски. Чувства — внутри, слова — по делу.

Рядом спал Дима. Мой мужчина-который-не-готов. Три года вместе, а я до сих пор не знаю — проснулся он от звонка или притворяется спящим, чтобы не разговаривать? С ним никогда не угадаешь.

Я смотрела в потолок и пыталась заплакать. Не получалось. Только пустота — огромная, гулкая, как заброшенный дом.

Восемь лет не была в Казани. Восемь лет находила причины не ехать. Работа, проекты, дедлайны, отношения. Всё — враньё. Просто не хотела. Просто думала — успею.

Бабушка писала письма. Настоящие, бумажные, с завитками на буквах. Я отвечала раз в три месяца — «всё хорошо, работы много, целую».

Она ждала меня.

Я не ехала.

Теперь — еду. Только уже некуда спешить.

Глава 2 # # Запах дома

Казань встретила солнцем — неожиданно тёплым для ноября. Как будто город улыбнулся мне, несмотря ни на что.

Мама ждала у выхода — в тёмном платке, с сухими глазами, постаревшая и помолодевшая одновременно. Странно, да? Горе иногда делает людей моложе. Стирает всё лишнее, наносное, оставляет только суть.

Мы не обнялись — не принято. Но она взяла мою сумку, и в этом жесте было больше любви, чем в тысяче объятий.

— Поехали. Дома всё готово.

Бабушкин дом в Ново-Татарской слободе — старый, деревянный, с резными наличниками. Таких почти не осталось, а этот стоит. Упрямый, как хозяйка.

Запах ударил на пороге, и у меня перехватило горло.

Тесто. Мёд. Топлёное масло. Сушёные травы под потолком. И что-то ещё — неуловимое, родное, забытое. Так пахло детство. Так пахла любовь. Так пахла бабушка.

Соседки хлопотали на кухне — губадия, бэлиш, чак-чак. Всё как положено. Татарские женщины горюют руками: месят, режут, пекут. В этом — и молитва, и память, и продолжение жизни.

Тётя Разия командовала — восемьдесят два года, а голос как у молодой:

— Чай завари свежий! Пиалы неси, те, с синим узором!

Асия, чего встала? Помогай!

И я помогала. Вспоминала, как наливать чай — не до краёв, на два пальца ниже. Полная пиала — обида, неполная — уважение. Сколько смысла в простом жесте.

Руки работали сами. Голова была пустая. И это — правильно. Так и надо. Горе перегорит, а пока — делай что должно.

Притча первая # О руках, которые помнят

Когда голова пустая — руки помнят.

Месить тесто. Резать лук. Гладить ребёнка по голове. Простые вещи. Вечные вещи.

Однажды женщина потеряла мужа. Горе было такое, что она забыла слова. Не могла говорить — только мычала, как немая.

Соседки плакали. Дети плакали. Она — нет.

Встала утром. Пошла на кухню. Руки сами потянулись к муке.

Месила тесто. Молча. Час, два, три.

К вечеру — заговорила. Первое слово было: «Поешьте».

Дети поели. Соседки поели. Она поела.

И жизнь пошла дальше.

Потому что руки помнят. Руки вытаскивают. Руки спасают.

Если тебе плохо — займи руки. Делай простое. Древнее. То, что делала твоя мать, и её мать, и все матери до начала времён.

Глава 3 # # Женщины говорят

После поминок гости разошлись, но женщины остались — так принято. Сидели на кухне, пили чай, вспоминали.

Каждая — свою историю. И в каждой — бабушка.

— Нафиса-апа мне жизнь спасла, — сказала маленькая старушка в белом платке. — В девяностые дело было. Муж работу потерял, запил. Я уже думала... ну, сама понимаешь. А она пришла. Не знаю, как узнала. Сидела со мной всю ночь, молчала. Потом одну фразу сказала — я её на всю жизнь запомнила.

— Какую?

Старушка посмотрела на меня выцветшими глазами:

— «Ты — свет своего дома. А свет не имеет права гаснуть. Особенно когда темно».

У меня в горле встал комок.

— И что? Помогло?

— А то! Двадцать пять лет прошло. Муж сам бросил пить — сам! Внуки растут. А я всё помню — свет не гаснет.

Другая женщина — полная, в бордовом платье — подхватила:

— А мне она на свадьбе сказала. Я плакала — жених нелюбимый, навязали. Страшно. А она подошла и говорит: «Любовь не находят. Любовь выращивают. Тебе дали семечко — вырастет дерево или сорняк, зависит от тебя».

— И выросло?

Женщина улыбнулась — грустно и светло:

— Тридцать семь лет вместе прожили. Дуб вырос, вековой. Похоронила два года назад, до сих пор скучаю.

И третья — худая, нервная, лет сорока:

— А мне она страшное сказала. Муж бил. Не сильно, но бил. Я терпела — он же муж. А она говорит: «Татарская жена — не тряпка. Татарская жена — сабля в бархатных ножнах. Достойному — мягкость. Недостойному — сталь».

— Ушла?

— Ушла. С двумя детьми. Страшно было — жуть. Но ушла.

Я слушала этих женщин — разных, непохожих, каждую со своей судьбой — и понимала: бабушка была маяком. Светом, который вёл через темноту.

И свет этот не погас. Он — в них. В их историях. В том, что они передадут дочерям.

И, может быть, — во мне тоже.

Мудрость первая # # О свете, который не гаснет

Свет — это не слова. Свет — это присутствие.

Когда ты рядом — теплее. Когда ты ушла — темнее. Когда тебя нет — люди вспоминают и зажигают свечи.

Быть светом — это не подвиг. Это выбор. Каждый день выбирать — светить или гаснуть.

Устала — свети. Больно — свети. Кажется, что никто не видит — свети.

Потому что обязательно кто-то идёт в темноте. И твой свет — единственное, что он видит.

Бабушка светила восемьдесят два года. Без перерыва.

Теперь — моя очередь.

Глава 4 # # Чердак

После полуночи, когда дом затих, мама сказала:

— На чердаке сундук. Бабушкин. Она просила — чтобы ты открыла первая.

— Почему я?

Мама пожала плечами:

— Сказала — Асия поймёт.

Чердак пах пылью, сухими травами и временем.

Сундук стоял в углу — тяжёлый, кованый, с замочком в форме полумесяца. Ключ торчал в скважине. Ждал.

Крышка открылась с тихим вздохом — как будто сундук выдохнул с облегчением. Дождлся.

Запах — первое, что накрыло волной. Лаванда. Мята. Что-то тёплое, родное, забытое. Так пахло детство.

Сверху — калфак. Зелёный бархат, золотая вышивка, жемчуг по краю. Свадебный. Чей?

Под ним — платки. Много. Шёлк, хлопок, кружево. Разные руки, разные годы, разные судьбы.

Фотографии — чёрно-белые, пожелтевшие. Лица, которых не знаю, но которые — моя кровь.

И на самом дне — три тетради.

Коричневая. Синяя. Зелёная.

Три обложки. Три почерка. Три жизни.

Я взяла коричневую — самую старую, потрёпанную. От-

крыла.

«Меня зовут Зайтуна. Мне шестнадцать лет. Сегодня меня выдали замуж за человека, которого я видела дважды. Пишу это, чтобы не забыть, кем была до того, как стала чьей-то женой...»

Я села на пыльный пол, прислонилась к сундуку и начала читать.

За окном светало. Я не заметила.

Притча вторая # О сундуке, который ждёт

У каждой женщины есть сундук.

Не тот, что стоит на чердаке. Другой — внутри.

В нём — память рода. Голоса бабушек. Рецепты и молитвы. Слезы и смех. Всё, что делает тебя — тобой.

Сундук закрыт, пока ты молода. Пока бежишь вперёд. Пока думаешь, что прошлое не важно.

Но однажды ты останавливаешься. Оборачиваешься.

И сундук открывается сам.

Не бойся того, что внутри.

Там — не пыль.

Там — золото.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ

Зайтуна

«Терпение — не слабость. Терпение — самая тихая форма силы»

Глава 5 # # Девочка в зелёном

Из тетради Зайтуны, 1935 год

Меня зовут Зайтуна. Мне шестнадцать лет. Сегодня меня выдали замуж.

Его зовут Закир. Ему сорок. Вдовец, кузнец, трое детей. Руки как лопаты, лицо как скала, глаза — тёмные, тяжёлые.

Мой отец должен ему денег. Вместо денег — отдал меня. Выгодно: и долг списан, и дочь пристроена.

Я не виню отца. У него пятеро детей, я — старшая, приданого нет. Так — хоть какая-то судьба.

Свадьба — по всем правилам. Зелёный платок невесты, мулла, суры. Три раза спросили: согласна ли? Три раза ответила: да.

Три раза соврала.

Но — так надо. Так было с мамой. С бабушкой. Со всеми женщинами нашего рода.

Меня посадили на сундук с приданым — два платья, полотенце, скатерть, серьги бабушкины, и эта тетрадь. Всё моё богатство.

Закир вошёл после полуночи. Большой, пахнет железом. Я сжалась — знала, что сейчас будет.

А он постоял у двери, посмотрел на меня и сказал:

— Спи. Устала, поди.

И ушёл в сени.

Я не поняла. Плакала до утра, думала — не понравилась, завтра отправит обратно, позор на всю деревню.

А утром поняла. Он тоже боится. Этот огромный сорокалетний мужчина боится — маленькой девочки в зелёном платке.

Или не меня. Боится обидеть. Сделать больно. Сломать. Эта мысль всё изменила.

Он — не зверь. Он — человек.

С этим можно работать.

Глава 6 # # Первое слово

Встала до рассвета — так мама учила. Хозяйка первая встаёт, последняя ложится.

Дом чужой, печь чужая, всё чужое. И я в этом чужом — хозяйка. Страшно. Но — надо.

Замесила тесто на кыстыбый — лепёшки с пшённой кашей. Руки помнят, даже когда голова пустая.

Когда Закир вышел к завтраку — перед ним стопка горячих лепёшек, масло, мёд.

Он посмотрел на еду. На меня. Снова на еду.

Сел. Откусил. Жевал медленно.

— Вкусно, — сказал.

Одно слово.

Первое слово мужа.

Я запомнила его на всю жизнь.

Вкусно — это не про еду. Это про принятие. «Я вижу тебя. Я вижу твои руки. Я благодарен».

С этого слова началась наша жизнь.

Мудрость вторая #

Накорми — и возьми сердце #

Это не хитрость. Это древняя правда.

Еда — это любовь, которую можно съесть. Потрогать. Почувствовать внутри.

Когда месишь тесто для мужа — вкладываешь себя. Своё тепло. Свою заботу. Свои руки.

Он ест — и получает всё это. Каждый день. Три раза в день.

Через год — он твой.

Не обманом. Не хитростью.

Любовью, которая входит через желудок и остаётся в сердце.

Глава 7 # # Волчонок

Саниябану — старшая дочь Закира — смотрела на меня волчонком. Четырнадцать лет, почти моя ровесница.

Два года после смерти матери она была хозяйкой. Кормила братьев, вела дом. А тут я — и всё отняла.

Каждый день — война. Молчаливая, холодная.

Однажды она сказала:

— Ты мне не мать. Моя мать умерла. Ты — никто.

Я помолчала. Потом ответила:

— Ты права. Я не твоя мать и никогда ею не стану. Твоя мать — на небесах. Она смотрит на тебя каждый день. Видит, какой ты становишься. Хочешь, чтобы видела добрую дочь — или злую?

Саниябану замолчала. Убежала.

Вечером вернулась. Я месила тесто. Она встала рядом, молча сунула руки в муку.

— Покажи, — буркнула. — Как правильно.

Показала. Месили вместе, плечо к плечу.

Первая победа. Маленькая, тихая. Но — моя.

Через год она впервые назвала меня мамой. Не при людях — когда были одни.

Это стоило всех слёз.

Притча третья # О воде и камне

Камень сказал воде:

— Я сильнее. Я твёрдый, ты мягкая.

Вода ответила:

— Посмотрим.

И стала капать. Капля за каплей. Год за годом.

Камень смеялся. Потом терпел. Потом трескался.

Через тысячу лет камня не стало. Вода осталась.

Мягкость побеждает твёрдость. Терпение побеждает силу.

Но для этого нужно одно — ни разу не пропустить каплю.

Глава 8 # # Год

Прошёл год. Закир так и не тронул меня. Ждал.

Однажды вечером я спросила:

— Я не нравлюсь тебе?

— Нравишься.

— Тогда почему?

Он долго молчал. Потом:

— Ты — ребёнок. Мне сорок. Моя дочь — твоих лет. Я не животное.

— Я не ребёнок. Я жена.

— Когда будешь готова — скажешь сама. Я подожду.

И ушёл.

Я сидела одна и думала: этот человек дал мне то, чего никто никогда не давал. Выбор.

Не взял, хотя мог. Не купил, хотя заплатил. Не присвоил, хотя имел право.

Он ждёт. Когда я сама решу.

Через месяц — я решила.

Пришла к нему сама. Сказала:

— Я готова.

— Почему сейчас?

— Потому что ты ждал. Год. Ни разу не упрекнул. Не потребовал. Просто ждал. Такое — редкость.

Он взял мою руку. Грубую, кузнечную — в мою, тонкую,

в муке.

— Идём.

Мы вошли в дом вместе. Как муж и жена.

Мудрость третья # # О любви, которую выращивают

Любовь не находят. Любовь — выращивают.

Тебе дали семечко. Может, не то, которое хотела. Может, кривое, странное.

Посади. Поливай. Жди.

Из семечка вырастет дерево — или сорняк. Зависит от тебя.

Зайтуна посадила. Поливала. Ждала.

Через год — выросло дерево.

Через тридцать лет — сад.

Глава 9 # # Война и хлеб

Шесть лет счастья. Родилась дочь — Миляуша. Саниябану вышла замуж, родила сына, называет меня мамой.

А потом — война.

Закир ушёл в июле сорок первого.

— Береги детей, — сказал.

— Вернись, — ответила я.

Он ушёл. Не обернулся — примета.

Четыре года. Сорок восемь месяцев. Каждый — как жизнь.

Я пекла губадию на продажу. Меняла на муку, картошку, молоко. Спала три часа в сутки, руки в трещинах.

Но дети — сыты. Все живы.

Свет не гас.

Закир вернулся в сорок шестом. Седой, контуженный, с трясущимися руками.

Я взяла его за руку — ту, что тряслась — и повела в дом.

На столе — эчпочмаки. Его любимые. Четыре года готовила их по праздникам. Выменивала мясо на последнее. Потому что знала — вернётся.

Он увидел тарелку. Потом меня. Потом снова тарелку.

И заплакал. Первый раз при мне.

Я обняла его. Гладила по седой голове.

— Всё. Ты дома. Всё.

Притча четвёртая

Сколько раз ты осталась

Уйти легко. Хлопнуть дверью. Сказать — хватит.

Остаться — труднее.

Остаться, когда больно. Когда страшно. Когда хочется бе-
жать.

Но не из слабости. Не из страха.

Из силы. Из выбора. Из любви.

Сколько раз ты осталась — вот мера твоей силы.

Зайтуна оставалась сорок раз. Или четыреста. Или четыре
тысячи.

Она не считала.

Просто — оставалась.

Глава 10 # # Завещание Зайтуны

Последняя запись, 1968 год

Мне пятьдесят. Закир умер в прошлом году. Тридцать три года вместе — тридцать два по любви.

Миляуша выросла. Влюбилась в русского. Хочет замуж против моей воли.

Не буду проклинать. Пусть идёт. Набьёт свои шишки, получит свои уроки. Главное — оставляю ей это. Тетрадь. Память. Мудрость.

Что я поняла за жизнь?

Первое. Терпение — не слабость. Терпение — сила, которая не кричит.

Второе. Любовь не находят. Выращивают.

Третье. Женщина — свет. Погаснет свет — погаснет дом.

Четвёртое. Сколько раз осталась — вот мера силы.

Пятое. Мы — ниточка. От матери к дочери, от бабушки к внучке. Не дай ей оборваться.

Миляуша, дочка, если читаешь — иди своей дорогой. Но помни, откуда вышла.

Люби правильно. Терпением, заботой, делами.

Будь светом.

И передай дальше.

Твоя мать, Зайтуна.

Я закрыла тетрадь. За окном — рассвет.

Слёзы текли — не вытирала.

*Моя прабабушка. Девочка, которую продали за долги.
Женищина, которая вырастила любовь из ничего.*

*Ещё две тетради ждали. Бабушка Миляуша. Мама На-
фиса.*

Две судьбы. Два урока.

Я потянулась к синей тетради.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

Миляуша

«Можно уйти из дома. Но дом из тебя — не уйдёт никогда»

Глава 11 # # Девушка, которая ушла

Из тетради Миляуши, 1970 год

Меня зовут Миляуша. Мне двадцать два года. Сегодня я ухожу из дома.

Мама сказала — или он принимает ислам, или ты мне не дочь.

Он не примет. Он — Николай. Русский. Инженер с завода. Добрый, весёлый, с глазами как весеннее небо.

Я люблю его. Первый раз в жизни — люблю по-настоящему.

Мама не понимает. Говорит — предаёшь род, веру, всё, за что умирали прабабки.

А я думаю — разве любовь может быть предательством?

Ухожу. С одним чемоданом. Мама не вышла проводить. Отец умер три года назад, некому меня остановить.

Оглянулась на дом. На окно, за которым мама. Знаю — стоит, смотрит. Но не выйдет.

Гордая.

Я — тоже.

Глава 12 # # Другая жизнь

Пять лет с Николаем. Родила двоих — Гузель и Рината. Живём в Тольятти, он работает на ВАЗе. Хорошая квартира, хорошая зарплата.

Он — добрый муж. Не пьёт, не бьёт, детей любит.

Но.

Каждый Курбан-байрам плачу ночью в подушку. Каждый раз, когда варю борщ вместо токмача — что-то сжимается внутри.

Он не понимает.

— Зачем тебе этот праздник? — спрашивает. — Ты же не молишься.

Как объяснить? Это не про молитвы. Это про корни. Про кровь. Про то, что внутри и никуда не денется.

Однажды сын спросил:

— Мама, а кто мы?

— Русские, — ответила я.

И что-то треснуло. Внутри. Громко.

Глава 13 # # Точка

Через десять лет Николай сказал:

— Выбирай. Или я — или твоя Казань, твой язык, твои обычаи.

Я выбрала.

Вернулась. С двумя детьми, с одним чемоданом. Как уходила — так и вернулась.

Стояла у родного дома. Боялась постучать. Десять лет молчания. Ни одного письма, ни одного звонка.

Постучала.

Мама открыла.

Постарела. Поседела. Но глаза — те же.

Смотрела на меня. Молчала.

Потом — посторонилась. Молча пустила в дом.

Я вошла. Дети за мной.

Мама поставила чайник. Достала чак-чак — откуда-то из закровов.

Налила чай — не до краёв.

И сказала единственное слово:

— Поешь.

Всё. Больше ничего не надо. Я дома.

Мудрость четвёртая # # О доме, который внутри

Можно уехать за тысячу вёрст. Можно сменить имя, язык, веру.

Дом — внутри. Никуда не денется.

Однажды позовёт обратно.

И если повезёт — дверь откроется.

Миляуше повезло. Мама открыла.

Не все матери открывают. Не все дочери возвращаются.

Но те, кто возвращаются и те, кто открывают — находят что-то большее, чем потеряли.

Прощение. Понимание. Любовь без условий.

Глава 14 # # Калфак

Через неделю мама позвала на чердак.

— Открой сундук.

Я открыла. Мамин сундук — тяжёлый, кованый.

Сверху — калфак. Зелёный бархат, золото, жемчуг.

— Это... мой? — спросила я. — Тот, что на свадьбу готовили?

— Твой. Десять лет хранила.

— Но я... я ведь ушла. Предала.

Мама покачала головой:

— Ты не предала. Ты искала свой путь. Нашла — вернулась. Это не предательство. Это — взросление.

Я взяла калфак. Тяжёлый, расшитый её руками.

— Мама...

— Носи, — сказала она. — Теперь — твой.

И обняла меня. Первый раз за десять лет.

Притча пятая

О блудной дочери

Все знают притчу о блудном сыне. О дочерях — молчат.

А они тоже уходят. За любовью, за мечтой, за тем, что кажется важным.

И возвращаются. Побитые, мудрые, другие.

Мать ждёт. Всегда ждёт. Даже когда говорит — ты мне не дочь.

Потому что это — слова. А любовь — не слова.

Любовь — это калфак, который лежит в сундуке десять лет.

Любовь — это чай, налитый не до краёв.

Любовь — это дверь, которая открывается, когда поступишь.

Глава 16 # # Письмо, которое не отправила

Из тетради Миляуши, 1985 год

Сегодня нашла черновик письма, которое писала Николаю пятнадцать лет назад. Так и не отправила.

«Коля, милый.

Я не могу объяснить это словами, которые ты понимаешь. Ты спрашиваешь — зачем мне курбан-байрам, если я не молюсь? Зачем татарский язык, если мы живём среди русских? Зачем чак-чак, если в магазине есть торты?

Это не про религию. Не про язык. Не про еду.

Это про то, кто я есть.

Когда я режу тесто на чак-чак — рядом стоит моя мама. И её мама. И все женичины до неё, назад, в глубину веков. Я чувствую их руки на своих руках. Слышу их голоса. Я — часть чего-то большего, чем я сама.

Ты говоришь — это суеверия. Пережитки. Прошлый век. А я говорю — это корни. Без корней дерево падает.

Я падаю, Коля. Каждый день, по чуть-чуть. Ты не видишь, потому что я улыбаюсь. Но внутри — падаю.

Ты хочешь, чтобы я стала русской. Забыла, кто я. Стала кем-то другим — удобным, понятным, твоим.

Но я не могу. Потому что тогда — это буду не я. А кто-

то, кого ты придумал.

Прости. Люблю тебя. Но уйду.»

Не отправила. Просто ушла.

Иногда молчание говорит громче слов.

Мудрость пятая # # О корнях и крыльях

Детям нужно дать две вещи — корни и крылья.

Корни — чтобы знали, откуда они.

Крылья — чтобы могли улететь.

Но вот секрет, который не говорят: крылья нужны не чтобы улететь навсегда. Крылья нужны, чтобы вернуться.

Птица без корней — перекаати-поле. Летит, куда ветер подует. Красиво, свободно, одиноко.

Птица с корнями — всегда знает дорогу домой.

Миляуша улетела. Миляуша вернулась.

Потому что корни держали. Потому что крылья привели обратно.

Глава 15 # # Чак-чак

На следующий день после возвращения я встала до рассвета.

Тело помнило — хотя десять лет не вставала так рано. В Тольятти просыпалась в семь, под будильник, варила кофе, бежала на работу. Здесь — другое. Здесь время течёт иначе.

Мама уже была на кухне. Месила тесто.

Я остановилась в дверях. Смотрела на её руки — постаревшие, в коричневых пятнах, но всё такие же ловкие. Тесто слушалось, складывалось, дышало.

— Чего встала? — не оборачиваясь, спросила она. — Иди сюда. Поможешь.

Я подошла. Встала рядом. Плечо к плечу, как когда-то в детстве.

— Чак-чак будем делать, — сказала мама. — Помнишь как?

Я помнила. Руки помнили, хотя голова забыла. Тесто на яйцах, тонко раскатать, нарезать соломкой, обжарить, залить мёдом. Три часа работы, не меньше.

— Мама, — сказала я, раскатывая тесто, — прости меня. Она не ответила. Продолжала месить.

— Я думала, что знаю лучше. Думала — любовь важнее всего. Важнее рода, веры, корней.

— И что? — спросила она, не глядя. — Ошиблась?

— Не знаю. Может, и не ошиблась. Николай — хороший человек. Десять лет счастья. Двое детей.

— Тогда почему вернулась?

Я молчала. Резала тесто на полоски — ровные, одинаковые.

— Потому что там — не дом, — сказала наконец. — Там — жизнь. Хорошая жизнь. Но не дом.

Мама кивнула. Ничего не сказала. Но я поняла — она поняла.

Три часа мы готовили чак-чак. Молча, бок о бок. Как раньше. Как всегда.

Когда золотистая горка была готова и полита янтарным мёдом, мама взяла кусочек, попробовала.

— Вкусно, — сказала. — Руки не забыли.

И улыбнулась. Первый раз за все эти дни.

Я заплакала. Не от горя — от счастья. От облегчения. От того, что наконец-то — дома.

Глава 17 # # Две дочери

Гузель и Ринат росли в Казани. Русские имена, татарская кровь, бабушка, которая научила всему.

Гузель была похожа на меня — гордая, упрямая, с огнём в глазах. Ринат — в отца, мягкий, добрый, покладистый.

Мама учила их тому, чему когда-то учила меня. Тесто месить. Чай наливать правильно. Молитвы на ночь.

Гузель слушала внимательно, запоминала. Ринат скучал, смотрел в окно.

— Бабушка, — спросила однажды Гузель, — а почему папа не с нами?

Мама посмотрела на меня. Я кивнула — расскажи.

— Потому что у папы — своя дорога, — сказала мама. — А у мамы — своя. Иногда дороги расходятся.

— Это плохо?

— Нет, детка. Это жизнь. Бывает — сходятся, бывает — расходятся. Главное — идти своей дорогой честно.

Гузель задумалась. Потом спросила:

— А я — кто? Русская или татарка?

— Ты — ты, — ответила мама. — В тебе — и то, и другое. Две реки в одном русле. Богатство, не бедность.

Гузель улыбнулась. Первый раз за долгое время.

Я смотрела на них — мою мать и мою дочь — и думала: вот она, ниточка. Не порвалась. Тянется дальше.

Спасибо, что были со мной эти страницы

Дорогая читательница! ##

Если вы дошли до этих строк — значит, что-то откликнулось. Мне очень важно, что вы уделите время этой истории. ##

Ознакомительный фрагмент закончился, но история трёх поколений только начинается.

Не спешите с решением. Добавьте книгу в библиотеку (если не зарегистрированы — это займёт минуту), и она будет ждать вас. Вернитесь, когда будете готовы. ##

Помните: та сила, которой вы восхищаетесь в наших бабушках, уже есть в вас.

Опора может треснуть, но свет — никогда не гаснет. ##

С теплом##

Спасибо, что вы здесь##☆☆

Глава 18 #

Последний разговор

Мама умерла в девяносто втором. Тихо, во сне. Как хотела.

За день до смерти мы сидели на кухне. Пили чай. Молчали — как умеют молчать только близкие люди.

Потом она сказала:

— Миляуша.

— Да, мама.

— Я горжусь тобой.

У меня перехватило горло.

— За что? Я же... ушла. Предала. Десять лет молчания.

— Ты ушла — и вернулась. Это труднее, чем не уходить. Для этого нужна смелость.

— Какая смелость? Трусость. Сбежала от проблем.

Мама покачала головой.

— Признать ошибку — не трусость. Трусость — упрямо идти не туда, потому что стыдно повернуть.

Я молчала. Слезы текли.

— Ты — хорошая дочь, — продолжила мама. — Хорошая мать. Хорошая женщина. Я вижу.

— Мама...

— И внуки — хорошие. Гузель — огонь, как ты. Ринат —

вода, как отец. Оба нужны. Огонь и вода.

Она взяла мою руку. Ладонь сухая, тёплая, вся в морщинах.

— Передай им. Всё, что знаешь. Всё, чему я тебя учила. Не дай ниточке порваться.

— Не дам, мама. Обещаю.

Она улыбнулась. Закрыла глаза.

— Устала. Посижу немного.

Я сидела рядом, держала её руку. Не знала, что это — последний раз. Что завтра проснусь, а её — нет.

Но может, она знала. Может, поэтому и сказала — всё, что хотела сказать.

Татарские женщины чувствуют такие вещи. Корнями чувствуют.

Притча шестая

О последних словах

Какие слова ты скажешь перед уходом?

Проклятия или благословения? Упрёки или прощение?

Жалобы или благодарность?

Последние слова — как печать на всей жизни. Ими запомнят.

Зайтуна сказала: «Передай дальше».

Её дочь сказала: «Я горжусь тобой».

Две женщины. Два завещания. Одна суть.

Любовь. Прощение. Продолжение.

Какими будут твои последние слова?

Думай об этом. Сейчас. Пока есть время.

Глава 19 #

Завещание Миляуши

Последняя запись в тетради, 2005 год

Мне шестьдесят семь лет. Пишу это для дочери, для внучки, для всех, кто придёт после.

Что я поняла за жизнь?

Уйти легко. Вернуться — трудно. Но возвращение стоит дороже, чем уход.

Любовь бывает разная. К мужчине, к детям, к родине. Все нужны. Но если приходится выбирать — выбирай ту, что в крови. Мужчины приходят и уходят. Кровь — навсегда.

Дом — не стены. Дом — то, что внутри тебя. Можно уехать за тысячу вёрст. Дом поедет с тобой. И однажды позовёт обратно.

Прощение — сила, не слабость. Мама простила меня. Я простила себя. Теперь — свободна.

Гузель, дочка, если читаешь — знай: ты лучше, чем думаешь. Сильнее, чем кажешься. И никогда — слышишь, никогда — не поздно вернуться домой.

Будь светом.

Твоя мать, Миляуша.

Я отложила синюю тетрадь.

Две истории. Два поколения. Две женщины — такие раз-

ные и такие похожие.

Прабабушка Зайтуна — осталась и построила любовь из ничего.

Бабушка Миляуша — ушла, потерялась, вернулась.

Обе — нашли себя. Обе — передали дальше.

Осталась третья тетрадь. Зелёная. Мамина.

Самая близкая. Самая страшная.

Потому что это — уже не прошлое. Это — моя жизнь.
Моё детство. Мои воспоминания.

Я потянулась к зелёной обложке.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ

Нафиса

«Остаться, когда все говорят "уйди" — вот настоящая смелость»

Глава 20 # # Девяностые

Из тетради Нафисы, 1995 год

Мне тридцать пять лет. Замужем пятнадцать. Двое детей

— Гузель и Асия.

Ильгиз пьёт.

Пишу это — и руки дрожат. Как будто предаю. Как будто вся улица услышит.

Но мне надо выговориться. Кому-то рассказать. Хоть бумаге.

Он не всегда был таким. Когда поженились — красивый, весёлый, с планами на жизнь. Инженер на заводе, перспективный. Мама говорила — повезло тебе, Нафиса.

Повезло.

А потом — девяностые. Завод закрылся. Зарплату не платили, потом платили талонами, потом — вообще ничем. Ильгиз сидел дома, смотрел в стену. Потом — начал пить.

Сначала по выходным. Потом — каждый день. Потом — с утра.

Я работаю на трёх работах. Днём — бухгалтером в конторе. Вечером — шью на заказ. Ночью — пеку на продажу: гурбадию, эчпочмаки, кыстыбый. Соседи покупают, хвалят. Руки помнят — бабушка научила.

Деньги — копейки. Но хватает. На хлеб, на молоко, на школу детям.

Ильгиз пьёт. Я работаю.

Соседки шепчутся: «Бедная Нафиса. Такой муж — наказание. Уходить надо».

Не уйду.

Почему? Сама не знаю. Может, глупость. Может, упрямство. А может — то, чему бабушка учила.

Сколько раз осталась — вот мера силы.

Я остаюсь. Каждый день. Снова и снова.

Глава 21 # # Разговор с мамой

Мама приехала в девяносто шестом. Посмотреть на вну-чек. Посмотреть на меня.

Я старалась скрыть. Улыбалась, хлопотала, накрыла стол. Ильгиза отправила к друзьям — «мужской день».

Мама сидела, пила чай, смотрела. Она всегда видела больше, чем другие.

— Нафиса.

— Да, мама?

— Он пьёт.

Не вопрос. Утверждение.

Я молчала. Что тут скажешь?

— Давно?

— Два года.

— Бьёт?

— Нет. Никогда.

Мама кивнула. Помолчала.

— Почему не уходишь?

Я села напротив. Посмотрела ей в глаза.

— А ты бы ушла?

Теперь молчала она.

— Я — осталась, — сказала наконец. — Когда твой отец... когда были трудные времена. Осталась.

— Вот и я останусь.

— Это не то же самое.

— Почему?

Мама вздохнула.

— Твой отец... он был слаб, но хотел стать сильным. Боролся. А Ильгиз?

Я задумалась. А правда — Ильгиз? Хочет он выбраться? Борется?

— Не знаю, — призналась я. — Иногда мне кажется — да. Иногда — что сдался.

— Тогда зачем остаёшься?

Я молчала. Искала слова. Нашла — не сразу.

— Потому что он — мой муж. Никах — это не бумажка. Это клятва. Перед Аллахом, перед родом, перед собой. Клятвы не нарушают, когда становится трудно.

— Даже если он сам нарушил?

— Он не нарушил. Он — болен. Пьянство — болезнь. Я же не брошу мужа, если у него рак?

Мама смотрела на меня долго. Потом сказала:

— Ты — как бабушка Зайтуна. Та же сталь внутри.

— Это хорошо или плохо?

— Это — судьба. Кысмет.

Мудрость шестая # # О клятвах и границах

Клятва — священна. Нарушить клятву — предать себя.
Но.

Клятва — не рабство. Клятва — договор двух сторон.

Если муж бьёт — клятва нарушена им. Можно уйти.

Если муж унижает — клятва нарушена им. Можно уйти.

Если муж предаёт — клятва нарушена им. Можно уйти.

Но если муж болеет, слаб, потерялся — клятва не нарушена. Клятва проверяется.

Татарская жена знает разницу. Между слабостью и подлостью. Между болезнью и выбором. Между «не может» и «не хочет».

Нафиса видела — Ильгиз не может. Пока — не может.

И она осталась. Ждать, когда сможет.

Глава 22 # # Каша по утрам

Три года я делала одно и то же.

Каждое утро — ровно в шесть — ставила перед Ильгизом тарелку горячей пшённой каши и стакан крепкого чая.

Не говорила ни слова. Не читала нотации. Не плакала, не кричала, не умоляла.

Просто ставила. И уходила на работу.

Он иногда ел. Иногда — нет. Иногда швырял тарелку в стену.

Я убирала. Молча. На следующее утро — снова каша.

Соседка Фарида как-то спросила:

— Зачем ты это делаешь? Он же не ценит.

— Я не для него делаю, — ответила я.

— А для кого?

Я задумалась. Для кого?

— Для себя. Чтобы знать — я сделала всё, что могла. Если он не выберется — это будет его выбор. Не мой.

Фарида покачала головой:

— Ты святая или сумасшедшая.

— Ни то, ни другое. Я — жена.

Через три года Ильгиз бросил пить.

Сам. Без врачей, без кодировок, без молитв.

Однажды утром я поставила перед ним кашу. Он посмотрел на меня — впервые за долгое время посмотрел по-насто-

ящему, не сквозь — и спросил:

— Почему ты осталась?

Я села напротив.

— Потому что ты — мой муж.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ.

Он молчал. Потом:

— Три года. Каждое утро — каша. Каждый день — ты здесь. Почему?

— Потому что я верила — ты выберешься.

— А если бы не выбрался?

— Тогда я бы всё равно осталась. Но ты выбрался.

Он смотрел на меня. В глазах — что-то новое. Или старое, забытое.

— Я не заслужил тебя, Нафиса.

— Глупости. Ешь кашу, остынет.

Он засмеялся. Первый раз за три года — засмеялся.

И я поняла — вот оно. Вернулся. Мой Ильгиз. Тот, за которого выходила.

Три года ожидания. Тысяча тарелок каши. Миллион молчаливых молитв.

Стоило того.

Притча седьмая # О капле, которая точит камень

Один человек спросил мудреца:

— Как изменить того, кто не хочет меняться?

Мудрец показал на скалу у моря:

— Видишь эту дыру в камне?

— Вижу.

— Её сделала вода. Капля за каплей. Тысячи лет.

— Но у меня нет тысячи лет!

— У тебя есть сегодня. Капай сегодня. Завтра — ещё раз.

Послезавтра — ещё.

— А если не поможет?

— Тогда капал недостаточно. Или камень — не тот. Но это узнаешь только если попробуешь.

Нафиса капала три года.

Камень — поддался.

Глава 23 # # После

Двадцать лет после того утра.

Ильгиз не пил больше ни капли. Нашёл работу, потом — свой маленький бизнес. Мастерская по ремонту техники. Руки у него золотые — всегда были.

Девочки выросли. Гузель осталась в Казани, вышла замуж, родила двоих. Асия уехала в Питер — учиться, работать, искать себя.

Мы с Ильгизом постарели. Дом — всё тот же, бабушкин. Чай — всё в тех же пиалах с синим узором.

Иногда вечерами сидим на кухне, молчим. Хорошее молчание — когда слова не нужны.

Однажды он спросил:

— Ты когда-нибудь жалела? Что осталась?

Я подумала.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты — мой муж. Мой выбор. Моя судьба. Жалеть о судьбе — глупо.

Он взял мою руку.

— Спасибо.

— За что?

— За кашу. За три года. За то, что не бросила.

Я улыбнулась:

- Глупости. Ты бы на моём месте сделал то же самое.
- Не уверен.
- А я — уверена.

Глава 24 # # Письмо Асии

Из тетради Нафисы, 2020 год

Асия, доченька.

Пишу это, потому что не умею говорить о важном вслух. Всегда была такой — молчунья. Ты в меня.

Ты уехала восемь лет назад. Редко звонишь, ещё реже приезжаешь. Я не виню — у тебя своя жизнь, своя дорога.

Но я вижу — тебе плохо. Мать всегда видит.

Этот твой Дима — он не плохой человек. Но он тебя не видит. Смотрит — и не видит. Ты для него — удобная. Та, которая рядом. Та, которая ждёт.

Ты заслуживаешь большего.

Я знаю, ты думаешь — как мама может судить? Она же сама осталась с папой, когда он пил. Какое право имеет говорить?

Дочка, есть разница.

Я осталась с мужем, который болел и хотел выздороветь.

Ты живёшь с мужчиной, который здоров и не хочет расти.

Это — не одно и то же.

Твой отец боролся. Падал и поднимался. Три года — падал и поднимался. Но — боролся.

Твой Дима — не борется. Потому что ему и так удобно. Зачем меняться, если ты и так рядом?

Подумай об этом.

Я не говорю — уходи. Решение — твоё. Всегда твоё.

Но подумай — ты остаёшься из любви или из страха? Из силы или из слабости?

Татарская жена остаётся из силы. Не из страха.

Я люблю тебя. Жду. Всегда.

Мама.

Я сидела на полу чердака, прижимая тетрадь к груди.

Мама. Это писала мама.

Она знала. Всё знала. Про Диму, про мой страх, про мою слабость, которую я называла любовью.

И не сказала. Написала — сюда. В тетрадь. Для меня. На потом.

Откуда она знала, что это «потом» — наступит?

Корни. Татарские женщины чувствуют корнями.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

«Иногда нужно потерять себя, чтобы найти»

Глава 25 # # Звонок

Утро. Солнце било в чердачное окно. Я не заметила, как рассвело, как прошла ночь.

Три тетради лежали рядом. Три жизни. Три женщины.

И я — четвёртая. Та, которая должна продолжить.

Телефон зазвонил — резко, требовательно. Дима.

Я смотрела на экран. Его лицо — улыбающееся, красивое.

Фото с отпуска в Турции, два года назад. Хорошие были времена. Или мне так казалось?

Взяла трубку.

— Асия, ты где? Третий день молчишь. Что происходит?

Его голос — раздражённый. Не встревоженный — раздражённый.

— Бабушка умерла, Дима. Я в Казани. На похоронах.

— А, да, ты говорила. Ну и когда вернёшься? Тут холодильник пустой, есть нечего.

Я молчала. Смотрела на тетради.

— Асия? Ты меня слышишь?

— Слышу.

— Так когда?

Три поколения женщин. Прабабушка, которая осталась и построила любовь. Бабушка, которая ушла, потерялась, вернулась. Мама, которая осталась с мужем, который боролся.

А я?

— Асия!

— Дима, — сказала я медленно, — мне нужно время.

— Время для чего? Сколько можно сидеть на этих похоронах?

— Время подумать.

— О чём? Асия, что за бред? Возвращайся, у меня дела.

У него дела. Холодильник пустой. Три года вместе — и это всё, что его волнует.

— Дима, — сказала я, — я тебе перезвоню.

И нажала отбой.

Руки не дрожали. Странно — думала, будут дрожать.

Глава 26 # # Разговор с мамой

Спустилась вниз. Мама сидела на кухне — как всегда, с пиалой чая.

— Не спала? — спросила она.

— Нет.

— Читала?

— Да.

Я села напротив. Молчала. Она ждала — не торопила.

— Мама, — сказала я наконец, — почему ты не отправила это письмо? То, которое в тетради. Почему не сказала мне прямо?

Она помолчала.

— Потому что ты бы не услышала. Тогда — не услышала бы.

— А сейчас?

— Сейчас — услышишь. Потому что бабушка умерла. Потому что ты открыла сундук. Потому что — готова.

— Откуда ты знаешь, что я готова?

Мама улыбнулась.

— Ты здесь. Читаешь тетради. Задаёшь вопросы. Три дня назад — сбежала бы обратно в Питер. Сегодня — сидишь и думаешь.

Она была права. Три дня назад я бы не дочитала до конца.

— Мама, — сказала я, — что мне делать?

— А что ты хочешь делать?

— Не знаю.

— Врёшь.

Я посмотрела на неё. Она смотрела на меня — спокойно, без осуждения.

— Знаешь, — повторила она. — Просто боишься признать.

Я молчала. Потом:

— Я хочу уйти от Димы.

Слова вывалились — и стало легче. Как будто камень упал с груди.

— Тогда уходи.

— Но... три года. Общая квартира. Друзья, планы...

— Три года — не вся жизнь. Квартира — съёмная. Друзья останутся, если настоящие. Планы — твои, не его.

— Мне двадцать восемь. Все подруги уже замужем, с детьми.

— И что?

— И... — я запнулась. — Страшно. Остаться одной.

Мама поставила пиалу на стол. Посмотрела на меня — тем самым взглядом, от которого не спрячешься.

— Асия, — сказала она, — ты — внучка Зайтуны. Правнучка женщины, которая в шестнадцать лет вошла в чужой дом и сделала его своим. Ты — дочь женщины, которая три года ставила кашу перед мужем-алкоголиком и не сдалась. Ты — свет. Свет не боится темноты.

Слёзы потекли по щекам. Я не вытирала.

— Остаться одной — не страшно, — продолжила мама.

— Страшно — остаться с тем, кто тебя не видит. Это одиночество хуже.

— Мама...

— Что, доченька?

— Я люблю тебя.

Она встала, обняла меня. Крепко, как в детстве.

— И я тебя. Всегда. Что бы ты ни решила.

Мудрость седьмая

О страхе и свободе

Страх — это дверь.

За дверью — или тюрьма, или свобода. Зависит от того, с какой стороны ты стоишь.

Бояться уйти — тюрьма.

Уйти, несмотря на страх — свобода.

Бояться остаться одной — тюрьма.

Выбрать себя, несмотря на страх — свобода.

Асия стояла у двери двадцать восемь лет.

Пора было открыть.

Глава 27 # # Месяц в Казани

Я осталась на месяц.

Сначала — потому что не могла уехать. Потом — потому что не хотела.

Казань оказалась другой. Не той, от которой я сбежала восемь лет назад. Или я стала другой — и увидела то, чего раньше не замечала.

Старый город с мечетями и церквями рядом. Набережная Кабана, где бабушка водила меня гулять в детстве. Улочки слободы, где каждый дом помнит десять поколений.

Я гуляла, смотрела, дышала. Училась быть одной — и не бояться.

Диме позвонила через неделю. Сказала — не вернусь. Он кричал, потом уговаривал, потом угрожал, потом — замолчал.

— Ты пожалеешь, — сказал напоследок.

— Может быть, — ответила я. — Но это будет моё сожаление. Не твоё.

Положила трубку. Заблокировала номер.

Руки не дрожали.

Мама учила меня готовить. По-настоящему, не из ютуба — руками, нутром, памятью.

Эчпочмаки — тесто должно быть тонким, но не рваться. Начинка — мелко нарезанная говядина с картошкой и лу-

ком, обязательно сырая, чтобы сок внутри остался.

Губадия — слоёный пирог, где каждый слой имеет смысл. Рис, изюм, корт, яйца — как слои жизни.

Чак-чак — три часа у плиты, руки в тесте и меду, терпение, терпение, терпение.

— Почему так долго? — спросила я, как когда-то в детстве.

— Потому что быстро — это не любовь, — ответила мама.
— Любовь требует времени.

Я резала тесто на тонкие полоски и думала: вот она — ниточка. Та самая. От бабушки к маме, от мамы — ко мне. Не порвалась.

Глава 28 # # Кладбище

В конце месяца мы поехали на кладбище. Втроём — я, мама, тётя Гузель.

Бабушкина могила — свежая, земля ещё не осела. Рядом — дедушка Ильгиз, ушёл пять лет назад. Рядом — прабабушка Миляуша. Рядом — прапрабабушка Зайтуна.

Четыре поколения женщин. Лежат рядом, как жили — плечом к плечу.

Я стояла у бабушкиной могилы и молчала. Слова — лишние. Она и так слышит.

Бабушка, — думала я, — я прочитала тетради. Все три. Теперь знаю — кто я такая. Откуда иду. Куда должна прийти.

Спасибо. За сундук. За ожидание. За веру в меня.

Я не подведу.

Мама положила цветы. Тётя Гузель прочитала молитву — тихо, нараспев.

Потом мы пошли обратно. Молча, каждая в своих мыслях. У выхода с кладбища я обернулась.

Солнце садилось за деревьями. Могилы — в золотом свете. Красиво.

Они там, внизу. И одновременно — здесь, во мне. В моей крови, в моих руках, в моей памяти.

Ниточка.

Не порвётся.

Притча восьмая # О ниточке

Однажды внучка спросила бабушку:

— Что будет, когда ты умрёшь?

Бабушка улыбнулась:

— Ничего не будет. Я останусь.

— Как — останешься? Тебя же не будет!

— Моё тело — не будет. А я — останусь. В тебе. В твоих детях. В каждой пиале чая, которую ты нальёшь правильно. В каждом чак-чаке, который ты приготовишь с любовью.

— Это — ты?

— Это — мы. Все женщины рода. Мы не умираем. Мы — переходим. Из тела в тело. Из сердца в сердце. Из рук в руки.

Внучка задумалась.

— Значит, я — это ты?

— И ты, и я, и все до нас. Одна ниточка. Длинная-длинная. От начала времён.

— А если ниточка порвётся?

— Не порвётся. Пока есть хоть одна женщина, которая помнит — не порвётся.

Помни.

Глава 29 # # Возвращение

В конце месяца я вернулась в Питер.

Но — другая.

Квартиру Димы освободила за день — вещей оказалось мало. Три года вместе, а общего — почти ничего. Как это возможно? Как мы умудрились прожить три года рядом и не срастись?

Сняла маленькую студию на Петроградке. Окно во двор-колодец, шумные соседи, скрипучий лифт. Но — моё. Первое в жизни — полностью моё.

На кухне — пиалы с синим узором. Мама отдала из бабушкиного сервиза. «Чтобы помнила, как наливать».

На полке — три тетради. Вожу с собой везде. Открываю, когда плохо. Читаю, и становится легче.

На работе — всё по-прежнему. Тимлид, проекты, дедлайны. Но я смотрю на это иначе. Это — работа. Не жизнь. Жизнь — там, где чак-чак и молитвы. Где корни.

Через три месяца я записалась на курсы татарского языка.

Детские считалки, которые помнила смутно, оказались — молитвами. Песни, которые бабушка пела — гимнами любви и верности, древними, как степь.

Я учила слова и чувствовала — что-то возвращается. Что-то, что было всегда, но спало. Теперь — просыпается.

На одном из занятий — молодой человек напротив. Тём-

ные глаза, тихий голос, руки музыканта.

— Ты почему учишь? — спросила я на перерыве.

— Бабушка умерла, — ответил он. — Поняла, что ничего о ней не знаю. О своём народе — не знаю. Хочу узнать.

— Я тоже, — сказала я. — Тоже бабушка. Тоже — хочу узнать.

Мы улыбнулись друг другу.

Ничего больше в тот день не произошло. Но что-то началось. Маленькое, тихое, настоящее.

Я не торопилась. Научилась — не торопиться.

Мудрость восьмая

О времени

Всё приходит в своё время.

Любовь — когда готова.

Понимание — когда созрела.

Счастье — когда заслужила.

Нельзя ускорить. Нельзя обмануть. Можно только —
ждать и работать.

Как тесто — месить каждый день. Как сад — поливать
каждое утро. Как свет — гореть каждую ночь.

Время не враг. Время — учитель.

Асия училась. Медленно, терпеливо, как бабушка учила.

И время — наградило.

Глава 30 # # Год спустя

Его звали Рустам. Тоже айтишник, тоже потерянный, тоже ищущий.

Мы встречались медленно, осторожно. Не спешили. Я больше не умела спешить.

Он приходил ко мне на чай. Я наливала — не до краёв, как бабушка учила. Он улыбался — понимал.

— Ты татарка до мозга костей, — говорил. — Это редкость теперь.

— Я — свет своего дома, — отвечала я. — Пока — будущего дома.

— Со мной?

— Посмотрим.

Он смеялся. Не обижался. Тоже умел ждать.

Через год — сделал предложение. Не на коленях, не с кольцом. Позвонил маме и попросил разрешения приехать со сватами.

Мама потом рассказывала — долго молчала в трубку. Потом сказала:

— Приезжайте. Посмотрю на тебя.

Он приехал. С отцом и дядей. Как положено, как сто лет назад.

Мама накрыла стол — эчпочмаки, губадия, чак-чак. Три дня готовила.

Сидели, пили чай, разговаривали. Потом мама отозвала меня на кухню.

— Он — хороший, — сказала. — Вижу.

— Ты так быстро решила?

— Я решила, когда он позвонил. Мужчина, который уважает традиции — уважает женщину. Это главное.

— Мама...

— Что?

— Спасибо.

— За что?

— За всё. За тетради. За мудрость. За то, что ждала.

Она обняла меня.

— Ты — моя дочь. Я всегда буду ждать.

Эпилог # # Свет не гаснет

Свадьба была в Казани. Никах в мечети, потом — большой праздник в бабушкином доме.

На мне — зелёный калфак. Тот самый, жемчужный, который лежал в сундуке. Прабабушкин. Теперь — мой.

Мама плакала — впервые за всё время. Тётя Гузель плакала. Даже тётя Разия, которой девяносто два, — и та прослезилась.

— Бабушка бы гордилась, — сказала мама.

— Она знает, — ответила я. — Смотрит оттуда. И улыбается.

Рустам взял мою руку. Крепко, надёжно.

— Готова? — спросил.

— Да, — ответила я. — Теперь — готова.

Через год родилась дочь. Мы назвали её Зайтуна — в честь прапрабабушки.

Маленькая, крикливая, с тёмными глазами. Моя кровь. Моё продолжение.

Я держу её на руках и шепчу колыбельную — ту, что бабушка пела мне. Слова — древние, татарские, правильные.

Дочка засыпает. Я смотрю на неё и думаю: вот она — ниточка. Не порвалась. Тянется дальше.

От Зайтуны — к Миляуше. От Миляуши — к Нафисе. От Нафисы — ко мне. От меня — к ней.

Дальше. Вперёд. В вечность.

На тумбочке — три тетради. Коричневая, синяя, зелёная.

И четвёртая — пустая. Моя.

Однажды я начну писать. Для дочери. Для внучки. Для всех, кто придёт после.

О чём?

О том, как потерялась и нашлась.

О мужчине, который умел ждать.

О бабушке, которая оставила сундук.

О маме, которая ставила кашу каждое утро.

О тётках, соседках, всех женщинах рода — которые были светом своих домов и передавали этот свет дальше.

Обо мне — Асие. Той, которая думала, что это всё не про неё.

Которая ошибалась.

Которая вернулась.

Послесловие

#Для тебя, читательница#

Если ты дочитала до этого места — значит, это твоя книга.
Значит, в твоей крови тоже есть эта сила. Эта мудрость.

Этот свет.

Может быть, ты забыла о нём. Как Асия. Как все мы иногда забываем.

Но он есть. Внутри. Ждёт.

Открой свой сундук. У каждой он есть — пусть не на чердаке, но в сердце.

Вспомни своих бабушек. Своих матерей. Всех женщин рода.

Они — с тобой. Всегда.

Ты — свет своего дома.

Не гасни.

Главная мудрость # # Сколько раз ты осталась

Сколько раз ты осталась — вот мера силы.

Не сколько ушла. Не сколько победила. Не сколько заработала.

Сколько раз осталась — когда было трудно. Когда хотелось бежать. Когда все говорили «уйди».

Осталась не из слабости — из силы.

Осталась не из страха — из любви.

Осталась — и превратила трудное в прекрасное.

Вот что значит быть женщиной.

Вот что значит быть светом.

Вот что значит — татарская жена.

Муж — опора дома.

Жена — свет дома.

Опора может треснуть.

Свет — никогда не гаснет.

Глава особая #

Татарская страсть

«Огонь, который горит тихо — горит вечно»

Есть вещи, о которых татарские женщины не говорят вслух.

Не потому что стыдно. Не потому что запрещено. А потому что некоторые вещи — слишком драгоценны для слов. Слишком глубоки для разговоров на кухне. Слишком священные для сплетен через забор.

О страсти — не говорят.

Страсть — проживают.

Я долго думала, писать ли эту главу. Открывать ли то, что бабушки передавали шёпотом, ночью, перед свадьбой. То, что мама рассказала мне однажды — краснея, запинаясь, но рассказала, потому что так положено. Потому что дочь должна знать.

Решила — напишу. Потому что слишком много девочек выросло без этого знания. Потому что слишком много женщин думают, что страсть — это то, что показывают в кино. Громко, быстро, напоказ.

Нет.

Татарская страсть — другая.

Она как угли в печи — снаружи едва тлеют, а внутри —

жар, от которого плавится железо.

Бабушка рассказывала мне о своей свадебной ночи. Не сразу — через много лет, когда я уже была взрослой, когда сама готовилась выйти замуж.

Мы сидели на кухне, пили чай. Дед давно умер, можно было говорить свободно.

— Знаешь, — сказала она, глядя в окно, — я боялась. Ужасно боялась. Мне было восемнадцать, ему — двадцать пять. Я ничего не знала о... — она замялась, — ...об этом.

— И как было?

Бабушка улыбнулась. Не мне — воспоминанию.

— Он был нежен. Так нежен, что я расплакалась. Не от боли — от неожиданности. Я думала — мужчины грубые, торопливые. А он... он целовал мои руки. Каждый палец по отдельности. И говорил — не бойся, не спешим, у нас вся жизнь впереди.

Она помолчала.

— Вся жизнь впереди. Пятьдесят три года. И каждый раз — как первый. Потому что он никогда не переставал ухаживать. Никогда не переставал видеть во мне — женщину.

— Как это — видеть женщину?

Бабушка посмотрела на меня.

— А ты не знаешь?

Я не знала. В двадцать пять лет, с двумя отношениями за плечами — не знала.

— Видеть женщину — это замечать, — объяснила ба-

бабушка. — Новое платье — заметить. Причёску — заметить. Усталость — заметить. Грусть — заметить. Желание — заметить.

— Желание?

— Да. — Бабушка чуть покраснела, но продолжила. — Татарский мужчина чувствует, когда жена хочет близости. По взгляду, по движению, по тому, как она наливает ему чай. И он — отвечает. Не грубо, не требовательно. Мягко. Как приглашение, не как приказ.

Я молчала. Переваривала.

— В этом — секрет, — сказала бабушка. — Страсть — это не когда громко. Страсть — это когда чувствуешь друг друга без слов. Когда тело говорит то, что язык стесняется произнести.

В тетради Зайтуны была запись, которую я сначала пропустила. Потом вернулась, перечитала. Покраснела до корней волос.

«Прошёл год нашей жизни с Закиром. Год, когда мы узнавали друг друга. Сначала — словами. Потом — молчанием. Потом — прикосновениями.

Он научил меня не бояться своего тела. Не стыдиться желания. Не прятаться под одеялом, когда он смотрит.

Татарские женщины — скромные. Так нас учат. Глаза долу, голос тих, тело — под слоями ткани.

Но в спальне, за закрытой дверью, с мужем, перед Аллахом — скромность становится другой. Не запретом, а иг-

рой. Не стыдом, а тайной.

Закир говорил: ты — как сундук с драгоценностями. Снаружи — простой, деревянный. Внутри — жемчуга и золото. Только я знаю, что внутри. Только мне ты открываешься.

Это правда. Для всего мира я — скромная жена, мать, хозяйка. Для него — другая. Та, которую больше никто не видит. Та, которой я становлюсь только рядом с ним.

В этом — сладость. В этом — власть. В этом — страсть.

Днём я подаю ему чай, склонив голову. Ночью — он склоняет голову передо мной. И в этом — равенство. Настоящее, глубокое. То, которого не понимают чужие люди со своими разговорами о "правах" и "свободах".

У меня есть право — быть желанной. У меня есть свобода — желать.

Что ещё нужно?»

Мама рассказывала иначе. Сдержаннее. Но — рассказывала.

— С отцом... — она запинаясь, подбирала слова, — ...было по-разному. Когда он пил — я не подпускала его. Закрывала дверь спальни. Он не настаивал — знал, что виноват.

— А когда не пил?

Мама смотрела в сторону.

— Когда не пил — было... — она замолчала, подбирая слово, — ...волшебное. Он умел быть нежным. Умел ждать. Умел чувствовать.

— Это важно — уметь ждать?

— Это главное, — сказала мама. — Мужчина, который спешит — думает только о себе. Мужчина, который ждёт — думает о тебе. В этом вся разница.

— А как понять — кто он?

Мама улыбнулась.

— По мелочам. Как он ест — торопливо или смакуя? Как он слушает — перебивает или даёт договорить? Как он смотрит — сквозь тебя или в тебя? В постели будет так же.

Я запомнила.

Есть древняя татарская мудрость о близости между мужем и женой. Её не записывают в книгах, не обсуждают на людях. Её передают шёпотом — от матери к дочери, от бабушки к внучке.

Она звучит так:

«Ир белән хатын — бер тән, бер эсан»

Муж и жена — одно тело, одна душа.

Не два человека, которые спят рядом. Не партнёры по сексу. Не сожители под одной крышей.

Одно тело. Одна душа.

Это значит — когда ему плохо, ей плохо. Когда ей радостно, ему радостно. Когда она хочет — он чувствует. Когда он устал — она знает.

Это значит — близость без слов. Понимание без объяснений. Страсть без разврата.

Современные люди не понимают этого. Путают страсть со

спортом. Близость — с гимнастикой. Любовь — с количеством оргазмов.

Татарская страсть — не про количество. Про качество.

Про глубину, не ширину.

Про навсегда, не на ночь.

Я помню свою первую ночь с Рустамом.

Не свадебную — мы были уже вместе полгода. Но я ждала.

Он ждал. Не из принципа, не из религиозных соображений.

Просто — ждали.

Потому что так правильно.

Потому что спешка убивает ожидание. А ожидание — половина удовольствия.

Полгода мы узнавали друг друга. Руки, взгляды, разговоры до утра. Поцелуи — долгие, медленные. И — остановки. Каждый раз, когда казалось — вот сейчас — мы останавливались.

Он спрашивал:

— Ты уверена?

Я отвечала:

— Пока нет.

Он кивал. Отодвигался. Наливал чай.

Ни разу — ни разу за полгода — не обиделся. Не упрекнул. Не сказал «ты меня не хочешь» или «почему ты такая холодная».

Он ждал.

И когда я наконец сказала «да» — это было настоящее

«да». Не вынужденное, не «ну ладно, раз ты так хочешь». Моё. Полное. Готовое.

Та ночь.

Я не буду описывать подробности — есть вещи, которые остаются между двумя людьми. Но скажу главное:

Он смотрел на меня так, как будто видел впервые.

Не моё тело — хотя и тело тоже. Меня. Всю. Целиком.

Он касался меня так, как будто я — драгоценность. Хрусталь, который может разбиться от неосторожного движения.

Он двигался так, как будто у нас — вечность. Никакой спешки. Никакой погони за финалом.

А когда финал пришёл — одновременно, как будто мы репетировали годами — он прижал меня к себе и сказал:

— Спасибо.

Не «это было круто». Не «ты лучшая». Не что-то пошлое или хвастливое.

Спасибо.

За доверие. За открытость. За то, что пустила.

Я расплакалась. Как прабабушка в свою первую ночь с Закиром. Не от боли — от неожиданности.

Оказывается, так бывает. Оказывается, это — не сказки. Оказывается, мужчины умеют — если хотят. Если выбирают. Если любят.

Бабушка рассказывала о «языке прикосновений». Древнем, невербальном, который татарские женщины знали ве-

ками.

Рука на плече мужа — «я рядом».

Рука на груди — «я скучаю».

Пальцы на губах — «помолчи, я всё понимаю».

Прижаться спиной — «обними меня».

Повернуться лицом в постели — «я хочу близости».

Отвернуться — «не сегодня, устала».

Никаких слов. Слова — грубы. Слова — разрушают тайну.

Тело говорит точнее. Тело не врёт.

Рустам выучил этот язык быстро. Или уже знал — от своей бабушки, от своего рода.

Он чувствовал, когда я хочу близости. Чувствовал, когда хочу просто лежать рядом. Чувствовал, когда нужны слова, а когда — молчание.

Это — редкость. Это — дар. Это — то, что делает брак браком, а не сожителем.

В тетради Миляуши была запись о её муже Николае. Русском. Который не понимал.

«Коля — хороший человек. Добрый. Честный. Любящий по-своему.

Но он не чувствует.

Он спрашивает: "Ты хочешь?" — когда я уже хочу или уже не хочу. Спрашивать поздно. Нужно было понять раньше.

Он торопится. Как будто близость — дело, которое

нужно закончить. Поставить галочку. Двигаться дальше.

Я не виню его. Его так не учили. В русских семьях — по-другому. Там говорят словами, там спрашивают прямо. Там не стыдятся, но и не ценят.

Для него близость — физиология. Для меня — таинство.

Мы никогда не совпадали. За десять лет — ни разу. Он кончал, я притворялась. Ему было достаточно. Мне — нет.

Это не его вина. Не моя вина. Просто — разные языки. Разные миры.

Может быть, если бы я объяснила... Но как объяснить то, что нужно чувствовать? Как перевести язык тела на язык слов?

Не знаю.

Не умею.

Просто живу — с этой пустотой внутри, с этим голодом, который не утолить словами "ты меня любишь?"

Люблю. Не чувствую. Разные вещи».

Когда я прочитала это — поняла, почему бабушка вернулась. Не из-за Курбан-байрама. Не из-за языка. Не из-за чакчака.

Из-за голода.

Того голода, который не утолить едой. Который живёт в теле и требует — не секса, нет — чего-то большего. Понимания. Созвучия. Резонанса.

Татарская женщина не может жить с мужчиной, который не чувствует её тело. Это как жить с глухим — можно, но

музыка умрёт.

Мама говорила о годах, когда папа пил.

— Самое страшное было — не деньги, не соседские взгляды, не усталость. Самое страшное — одиночество тела. Рядом лежит мужчина, мой мужчина, а между нами — стена. Водочная, непроницаемая.

— Ты хотела близости?

— Да, — призналась мама. — Я была молодая. Тридцать пять, потом тридцать семь. Тело хотело. А он — пьяный, чужой, не видел меня.

— Как ты справлялась?

Мама долго молчала.

— Молилась. Работала до изнеможения. Падала в кровать и засыпала раньше, чем успевала подумать о... — она не договорила.

— А когда он бросил пить?

Мамино лицо изменилось. Смягчилось. Посветлело.

— Когда он бросил пить — он вернулся. Весь. Не только трезвый — живой. Он снова видел меня. Снова чувствовал. Снова касался так, как когда-то, до всего этого.

— И?

— И было как в первый раз. Даже лучше. Потому что после разлуки — ценишь больше. После пустыни — каждая капля воды — счастье.

Есть в татарской культуре понятие «хурмат» — уважение. Оно касается всего: старших, традиций, веры. Но есть осо-

бый хурмат — между мужем и женой. В постели.

Уважать тело жены — не использовать, а ценить.

Уважать желание жены — не требовать, а приглашать.

Уважать «нет» жены — не обижаться, а принимать.

Уважать «да» жены — не торопиться, а наслаждаться.

Хурмат — это когда он спрашивает «тебе хорошо?» не для галочки, а чтобы услышать ответ.

Хурмат — это когда она говорит «подожди» и он ждёт. Столько, сколько нужно.

Хурмат — это когда оба помнят: это не соревнование. Не спорт. Не достижение.

Это — молитва. Телами.

В Коране есть сура о близости между супругами. Её редко цитируют — стесняются. А зря.

«Они — одеяние для вас, а вы — одеяние для них».

Одеяние. Не инструмент, не объект — одеяние.

Одеяние — защищает. Согревает. Скрывает наготу от чужих глаз.

Муж и жена — защита друг для друга. Тепло. Укрытие.

Не два отдельных человека, которые иногда занимаются сексом. Одно целое. Одеяние, сшитое из двух тканей.

Когда я впервые поняла это — изменилось всё. Близость перестала быть «процедурой» и стала — таинством. Перестала быть «отношениями» и стала — единением.

Рустам чувствовал так же. Может, потому мы и нашли друг друга.

Прабабушка Зайтуна писала о том, как изменились их отношения с Закиром после рождения первого ребёнка.

«Мужчины боятся материнства жены. Боятся, что она станет только матерью и забудет быть женой.

Закир боялся тоже. Я видела — в его глазах страх. Как будто Миляуша украла меня у него.

Сорок дней после родов — так положено — мы спали отдельно. Он в сенях, я с ребёнком.

На сорок первый день я уложила дочь, оделась красиво — платье, платок нарядный — и вышла к нему.

— Иди сюда, — сказала.

Он смотрел — не верил. Думал, наверное, что я устала, что не до него, что теперь навсегда — только ребёнок, только пелёнки, только молоко.

Я подошла первая. Взяла его руку. Положила себе на сердце.

— Я — здесь, — сказала. — Никуда не делась. Миляуша — дочь. Ты — муж. Это разное.

В ту ночь было... — я не знаю слов — ...как возвращение домой. После долгого пути. Когда устал, соскучился, и вот — порог, и за порогом — тепло, и знакомый запах, и руки, которые ждали.

После той ночи он перестал бояться. Понял — материнство не убивает жену. Материнство делает её богаче. Глубже. Женственнее.

Женщина, которая родила — знает о своём теле больше.

Чувствует острее. Любит сильнее.

Это — дар, не потеря».

Современные женщины часто жалуются: после родов муж смотрит как на мать своих детей, не как на женщину. Желание умирает. Страсть гаснет.

Татарские женщины знали секрет: не давать этому случиться.

После сорока дней — вернуться к мужу. Не ждать, пока он «захочет». Не обижаться, что не проявляет инициативу.

Вернуться самой.

Напомнить: я — здесь. Я — та же. Я — твоя.

Это не унижение. Это мудрость.

Мужчины — странные существа. Они боятся отвержения больше всего на свете. Боятся услышать «отстань» или «я устала».

Поэтому ждут. Молчат. Отдаляются.

А женщина думает — разлюбил, не хочет, нашёл другую.

Нет. Просто боится.

Татарская жена знает: иногда нужно сделать первый шаг. Не из отчаяния — из силы. Из понимания, что огонь нужно поддерживать с обеих сторон.

Рустам однажды сказал мне:

— Знаешь, чего я боялся больше всего, когда мы начали встречаться?

— Чего?

— Что ты окажешься «современной». В плохом смысле.

— Это как?

Он помолчал, подбирая слова.

— Что для тебя близость будет... процедурой. Техниклой. Что ты будешь оценивать меня по каким-то стандартам из интернета. Сравнить с «нормой».

— А я?

— А ты оказалась настоящей. Живой. Без схем и методик. Просто — чувствуешь. Просто — отвечаешь. Просто — любишь.

Он взял мою руку.

— Это редкость, Асия. Поверь. Очень многие девушки потеряли это. Научились «технике», потеряли душу.

Я думала об этом потом. О том, как много мы — современные женщины — знаем про секс. Позы, точки, техники. И как мало — про близость. Настоящую, глубокую, где душа касается души.

Прабабушка Зайтуна не знала слова «оргазм». Но знала — как стать одним телом с мужем.

Мы знаем тысячу слов. Но не знаем — как перестать быть-двумя.

В тетради мамы была запись о возвращении папы — о первой ночи после трёх лет трезвости.

«Он стоял в дверях спальни — и не решался войти.

Три года я закрывала эту дверь. Три года он спал в гостиной. Три года между нами — стена.

И вот он бросил пить. Вот он снова — мой Ильгиз. Тот,

за которого выходила.

Но — не решается.

Я поняла: он ждёт разрешения. Не словесного — телесного. Ждёт знака, что можно. Что я приму.

Встала с кровати. Подошла к нему. Взяла за руку — ту, которая три года назад тряслась от водки, а теперь тряслась от страха.

— Входи, — сказала.

Он вошёл.

Мы стояли друг напротив друга. Как в первую ночь, сорок лет назад — молодые, незнакомые, напуганные.

Только теперь — другой страх. Страх, что не получится. Что слишком много времени прошло. Что тела забыли друг друга.

Я сделала первый шаг. Расстегнула пуговицу на его рубашке. Одну. Медленно.

Он понял. Выдохнул.

— Нафиса...

— Тихо. Не говори. Просто — чувствуй.

Мы учились заново. Как подростки — неуклюже, осторожно, с долгими паузами.

Но — учились.

И когда наконец всё получилось — когда мы лежали рядом, мокрые, счастливые, живые — он сказал:

— Спасибо, что ждала.

Не "спасибо, что не бросила". Не "спасибо, что терпела".

Ждала.

Ждала — когда он вернётся. Когда снова станет мужем. Когда снова сможет быть со мной.

Три года — большой срок. Но мы вернули всё. Каждый год после того был — подарок. Бонус. То, чего могло не быть.

Мы не тратили время на ссоры. Не разменивались на обиды. Каждый день — как последний. Каждая ночь — как первая.

Это и есть настоящая страсть. Не когда молодые тела сплетаются по привычке. А когда старые тела находят друг друга заново. После всего. Несмотря на всё».

Я читала это и плакала.

Потому что поняла: вот она — татарская страсть. Не про молодость. Не про красоту. Не про «пока горячо».

Про — всегда.

Про — несмотря ни на что.

Про — сквозь годы и беды.

Бабушка Миляуша рассказывала о своём возвращении в Казань. О том, как сложно было — после десяти лет с Николаем — вспомнить, каково это — быть с мужчиной, который чувствует.

«Через пять лет после возвращения я встретила Ахмета. Вдовец, пятьдесят лет, двое взрослых детей.

Мы поженились через год. Я думала — в моём возрасте, с моей историей — какая страсть? Компания, тепло, забота — вот и всё.

Ошиблась.

Ахмет был... — как это сказать? — ...внимательный. К моему телу. К моим желаниям. К моим страхам.

Первая ночь — я дрожала. Как девочка. Стыдилась своего тела — немолодого, рожавшего, со следами жизни.

Он заметил.

— Чего боишься?

— Что тебе... не понравится. Я не та, что в молодости.

Он рассмеялся. Не обидно — тепло.

— Глупая. Я женился не на молодости. Я женился на тебе. На твоих глазах, руках, душе. Тело — оболочка. Красивая оболочка, — добавил он, целуя меня в плечо.

Я расплакалась. Впервые за много лет — от счастья.

Потом — было хорошо. Очень хорошо. Даже лучше, чем в молодости.

Потому что не торопились. Потому что ценили. Потому что знали — второго шанса может не быть.

Ахмет умер через десять лет. Сердце. Я осталась вдовой снова.

Но те десять лет — стоили всего. Всей боли, всех потерь, всего пути.

Потому что я узнала: настоящая страсть не угасает с возрастом. Она становится глубже. Как река — молодая река бурная, шумная. Старая река — тихая, полноводная. Но в ней — большие силы».

После рождения дочери я боялась.

Боялась, что Рустам разлюбит моё изменившееся тело. Что растяжки, лишние килограммы, грудь, которая теперь — для ребёнка — оттолкнут его.

Сорок дней прошли. Дочка спала в своей кроватке. Я стояла перед зеркалом — голая, беспощадно честная с собой.

Другое тело. Не хуже, не лучше — другое. То, которое выносило и родило человека.

Рустам вошёл. Встал за спиной. Посмотрел на моё отражение.

— Красивая, — сказал.

— Врёшь.

— Нет.

Он обнял меня сзади. Руки — на животе, там, где следы беременности.

— Это — история, — сказал он. — Наша история. Наша дочь. Наша жизнь. Как это может быть некрасивым?

— Но я... не такая, как раньше.

— Ты лучше. Ты — мать моего ребёнка. Ты — сильнее, глубже, женственнее. Я смотрю на тебя и вижу — всё. Всю твою жизнь. Все твои победы. Все твои шрамы.

— И это красиво?

— Это прекрасно.

Мы любили друг друга в ту ночь — впервые после родов. Осторожно, медленно, с перерывами (дочка просыпалась дважды).

Но — любили.

И было — хорошо. Иначе, чем раньше. Глубже.

Потому что теперь нас — трое. Потому что между нами — не только страсть, но и новая жизнь.

Есть татарская поговорка о близости супругов:

«Ике йөрәк бер тибә»

Два сердца бьются в одном ритме.

Не синхронно — это механика. В одном ритме — это музыка.

Когда два человека живут вместе долго — по-настоящему вместе, не просто рядом — их сердца начинают биться в одном ритме. Их дыхание совпадает. Их тела знают друг друга без слов.

Это не магия. Это практика.

Годы внимания. Годы настройки. Годы слушания друг друга — не ушами, телами.

Татарская страсть — это не вспышка. Это — огонь, который поддерживают.

Каждый день — немного дров.

Каждую ночь — немного дыхания.

Каждый год — немного терпения.

И огонь горит. Тихо. Ровно. Вечно.

Я смотрю на свою дочь — маленькую Зайтуну — и думаю: однажды я расскажу ей всё это. Как бабушка рассказала мне. Как прабабушка рассказала бабушке.

Расскажу о страсти, которая не кричит. О близости, которая не показуха. О любви, которая — в теле, не только в

словах.

Расскажу о мужчине, который умеет ждать. О женщине, которая умеет открываться. О двоих, которые становятся одним.

Расскажу — и ниточка продолжится.

От прабабушки — к бабушке. От бабушки — к маме. От мамы — ко мне. От меня — к ней.

Дальше.

Глубже.

В вечность.

Мудрость о страсти #

Огонь, который горит тихо

Молодой огонь — яркий, громкий, жадный.

Сжигает всё вокруг. Гаснет быстро.

Старый огонь — тихий, ровный, глубокий.

Греет, не обжигая. Горит вечно.

Молодая страсть — как молодой огонь. Красиво, ярко, недолго.

Зрелая страсть — как угли в печи. Снаружи еле тлеют. Внутри — жар, от которого плавится железо.

Не гонись за молодым огнём.

Учись поддерживать старый.

В нём — настоящее тепло.

В нём — настоящая сила.

В нём — настоящая любовь.

Эта глава — для тебя, читательница.

Если ты молода — не спеши. Страсть никуда не денется. Она станет только глубже с годами — если выберешь правильного человека.

Если ты в середине пути — не сдавайся. Огонь можно разжечь заново. Нужно только — захотеть. Обоим.

Если ты мудра годами — знай: твоя страсть — не поза-

ди. Она — сейчас. В каждом прикосновении, в каждом взгляде, в каждой ночи рядом с тем, кого выбрала.

Татарская страсть — не про возраст.

Про глубину.

Про выбор.

Про — навсегда.

Муж и жена — одно тело, одна душа.

Два сердца бьются в одном ритме.

Огонь, который горит тихо — горит вечно.

Глава особая # # Бархатная сила

«Нежность — не слабость. Нежность — оружие, которое побеждает без боя»

Моя бабушка никогда не повышала голос.

За всю жизнь — ни разу. Ни на детей, ни на мужа, ни на соседку, которая однажды назвала её «деревенщиной». Ни разу.

И при этом — её слушались все.

Дед — здоровый мужик, кузнец, руки как лопаты — при ней становился мягким, послушным, как тесто под умелыми руками. Дети замолкали от одного её взгляда. Соседки, которые только что судачили во дворе, при её появлении переходили на шёпот.

Как она это делала?

Долго не понимала. Думала — магия какая-то, особый дар. Потом — поняла.

Нежность.

Та самая сила, о которой не пишут в книгах про успех. Которую не преподают на тренингах. Которую нельзя купить или украсть.

Только — вырастить. В себе. Годами.

Татарские женщины знали секрет, который современный мир забыл.

Мягкое побеждает твёрдое.

Не в битве — в жизни. Не в споре — в любви. Не криком — молчанием.

Вода точит камень. Шёлк крепче стали на разрыв. Мёд привлекает больше, чем уксус.

Это не слабость. Это — другой вид силы. Тот, который не ломает — гнёт. Не разрушает — меняет изнутри.

Бабушка называла это «бархатная сила».

Снаружи — мягкость, тепло, нежность. Внутри — железный стержень, который не согнуть.

Как перчатка — бархатная снаружи, внутри — рука, которая держит.

В тетради Зайтуны была запись о том, как она усмирила свекровь. Да, ту самую свекровь, которую все в деревне боялись. Которая сжила со свету первую жену Закира — по слухам. Которая смотрела на юную Зайтуну как на насекомое.

«Свекровь — Разия-апа — жила с нами первые пять лет.

Она ненавидела меня. Не скрывала. Каждый день — укоры, насмешки, придирки. Суп пересолен. Пол плохо вымыт. Дети неправильно воспитаны.

Я могла бы воевать. Огрызаться. Жаловаться Закиру. Не стала.

Каждое утро — первая чашка чая ей. Горячая, крепкая, как она любит. С кусочком сахара на блюде.

— Доброе утро, Разия-апа. Как спалось?

Она фыркала. Не отвечала. Но чай — пила.

Каждый обед — лучший кусок ей. Мясо без жил, мягкое.

Она плохо жевала — зубы.

— Кушайте, Разия-апа. Вам силы нужны.

Она молчала. Но ела.

Каждый вечер — я расчёсывала ей волосы. Длинные, седые, тонкие. Она сидела неподвижно, я стояла сзади с гребнем.

— У вас красивые волосы, Разия-апа. В молодости, наверное, коса до пояса была?

— До колен, — буркнула она однажды. — Закир-отец из-за косы на мне женился.

Первые слова за полгода. Не злые — просто слова.

Я продолжала расчёсывать. Молча. Терпеливо.

Через год она сказала:

— Ты — хорошая жена моему сыну.

Я чуть гребень не выронила. Но виду не подала.

— Спасибо, Разия-апа.

— Я была права, — продолжила она. Голос скрипучий, слова — как камни изо рта. — Думала — молодая, глупая, избалует его. А ты — нет. Ты — правильная.

Я молчала. Ждала.

— Первая жена... — она замялась, — ...я её не любила. Слабая была. Плакала много. Жаловалась. Ты — не такая. Ты — сильная. Как я в молодости.

Это была высшая похвала. От Разии-апы. Женщины, которая никого в жизни не хвалила.

— Я училась у вас, — сказала я. — Смотрела, как вы

держитесь. Как молчите, когда хочется кричать. Как делаете своё дело, не жалуясь.

Она посмотрела на меня. Впервые — по-настоящему посмотрела. Не сквозь — в глаза.

— Умная девочка, — сказала. — Сын правильно выбрал.

После того разговора — всё изменилось. Не сразу, постепенно. Но изменилось.

Она перестала придирааться. Начала помогать — с детьми, с хозяйством. Делилась рецептами, которые держала в секрете годами.

Перед смертью — через три года — она взяла мою руку и сказала:

— Ты — лучшая невестка, которую я могла пожелать сыну. Прости, что не сразу поняла.

Я плакала на её похоронах. Искренне. Потому что за эти годы — полюбила её. Не за доброту — за силу. За несгибаемость. За то, что научила меня — нежность побеждает.

Не криком я её победила. Не скандалами. Не жалобами мужу.

Чашкой чая каждое утро.

Мягким куском мяса каждый обед.

Расчёсыванием волос каждый вечер.

Нежностью. Терпением. Любовью, которую сначала изображала, а потом — почувствовала по-настоящему.

Вот она — бархатная сила».

Мама рассказывала о своих девяностых — о том, как дер-

жала семью, когда всё рушилось.

— Я никогда не плакала при детях, — говорила она. — Никогда не жаловалась. Они видели меня — спокойной, уверенной, сильной.

— Но ты же была в отчаянии?

— Была. Каждый день. Каждую ночь.

— Как скрывала?

Мама улыбнулась.

— А я не скрывала. Я — превращала.

— Как это?

— Отчаяние — это энергия. Сильная, разрушительная. Если дать ей волю — она сожжёт тебя изнутри. Но если направить в другое русло...

— В какое?

— В заботу. В работу. В нежность к тем, кого любишь.

Она помолчала.

— Когда мне было совсем плохо — я шла к детям. Обнимала. Гладила по головам. Пела колыбельные — хотя им уже было десять и пятнадцать.

— Помогало?

— Мне — да. И им тоже. Они чувствовали — мама рядом, мама любит, всё будет хорошо. Даже если папа пьёт. Даже если денег нет. Мама — здесь.

— Это и есть бархатная сила?

— Это и есть. Не показывать слабость — но и не притворяться железной. Быть мягкой снаружи. Держать внутри.

Женская загадка — вещь, о которой много говорят и мало понимают.

Современные девушки думают — это про недоступность. Не отвечать на сообщения, не соглашаться на первое свидание, играть в игры.

Нет.

Татарские женщины знали — загадка в другом.

Загадка — это глубина, которую нельзя измерить.

Это колодец, в который смотришь — и не видишь дна. Хочется смотреть ещё. Хочется узнать, что там, внизу.

Прабабушка Зайтуна была загадкой для Закира всю жизнь. Пятьдесят три года вместе — и он каждый день узнавал её заново.

Как?

Потому что она не раскрывалась сразу. Не вываливала всё при первой встрече. Не обнажала душу на втором свидании.

Она открывалась по слоям. Как капуста — лист за листом. Как луковица — кольцо за кольцом.

Сначала — хозяйка. Та, что встаёт до рассвета и кормит.

Потом — мать. Та, что качает и поёт.

Потом — собеседница. Та, что слушает и понимает.

Потом — любовница. Та, что отдаёт и принимает.

Потом — друг. Та, что рядом, когда плохо.

Потом — мудрец. Та, что видит дальше других.

И под каждым слоем — ещё слои. Бесконечно.

Закир умер, так и не дойдя до сердцевины. Может, её и

нет — сердцевины. Может, в этом и есть загадка.

В тетради Миляуши была запись о женственности. Той, которую она потеряла в русской семье и нашла снова в Казани.

«Десять лет с Николаем я была... никакой.

Не мужчиной, не женщиной — функцией. Жена-функция. Мать-функция.

Готовила — потому что надо. Убирала — потому что надо. Спала с мужем — потому что надо.

Где-то потерялась я сама. Та девочка, которая любила наряжаться. Которая часами расчёсывала волосы. Которая смотрелась в зеркало и видела — красоту.

У Николая не было зеркал. В их доме — ни одного большого зеркала. Маленькое в ванной — для бритья. И всё.

— Зачем тебе зеркало? — спрашивал он, когда я заикнулась. — Это нарциссизм.

Нарциссизм. Смотреть на себя — нарциссизм.

Я перестала смотреть. Перестала видеть себя. Перестала быть.

Когда вернулась в Казань — первое, что сделала мама: поставила меня перед большим зеркалом в прихожей.

— Смотри.

Я смотрела. Чужая женщина. Постаревшая, погасшая, серая. Кто это? Неужели — я?

— Это не ты, — сказала мама, как будто прочитала мысли. — Это оболочка. Ты — внутри. Заснула. Сейчас

разбудим.

Три месяца она возвращала меня к жизни.

Платья — не серые, цветные. "Ты — не похороны, ты — праздник".

Украшения — серьги, браслеты, кольца. "Женищина без украшений — как дом без окон".

Уход за собой — кремы, маски, масла. "Тело — храм. Храм должен сиять".

Постепенно — по чуть-чуть — я возвращалась. Смотрела в зеркало и видела — себя. Ту девочку, которая когда-то была. Постаревишую, но живую.

Ахмет — мой второй муж — говорил потом:

— Я влюбился в твои глаза. В них — огонь. Редкий, настоящий. Его не подделаешь.

Огонь. Тот, который погас у Николая. Тот, который мама разожгла снова.

Женственность — это не про косметику и платья. Это про огонь внутри. Про знание своей ценности. Про любовь к себе — не нарциссизм, а заботу.

Женищина, которая любит себя — светится. Мужчины это видят. Чувствуют. Тянутся.

Женищина, которая себя забыла — гаснет. Становится функцией. Удобной, правильной, мёртвой.

Я была мёртвой десять лет.

Потом — воскресла.

И знаешь что? Второй раз жить — слаще первого. По-

тому что ценишь».

Нежность начинается с себя.

Это урок, который я выучила поздно. Слишком поздно — в двадцать восемь лет, после трёх лет с Димой, который не видел меня. Который смотрел — и не видел.

С ним я была функцией. Девушка-функция. Та, которая рядом. Та, которая ждёт. Та, которая удобна.

Я забыла, как это — наряжаться для себя. Смотреть в зеркало с удовольствием. Любоваться собственным отражением без стыда.

Дима говорил:

— Зачем тебе это платье? Дома же сидим.

— Зачем краситься? В магазин идём, не на бал.

— Зачем духи? Я и так знаю, как ты пахнешь.

Зачем, зачем, зачем.

И я перестала. Зачем, действительно?

Мама увидела сразу — когда я приехала на похороны.

— Что с тобой? — спросила на второй день.

— В смысле?

— Ты погасла. Глаза пустые. Как у Миляуши, когда она вернулась от Николая.

Я молчала. Не знала, что ответить.

— Он тебя гасит, — сказала мама. — Твой Дима. Не специально, наверное. Просто — не видит. А женщина без взгляда — как цветок без солнца. Вянет.

Месяц в Казани стал моим возрождением.

Мама делала со мной то же, что её мама делала с Миляушей.

Платья. Мы ходили по магазинам — маленьким, татарским, где продают ткани и шьют на заказ. Мама выбирала цвета — не серый, не чёрный, не «практичный».

— Бирюзовый, — говорила она. — Под твои глаза.

— Мама, мне двадцать восемь, не восемнадцать.

— И что? В двадцать восемь нельзя быть красивой?

Мы шили платья. Три штуки — бирюзовое, терракотовое, изумрудное. С вышивкой, с национальным орнаментом. Красивые. Женственные.

Украшения. Мама достала бабушкину шкатулку — ту, которую я никогда не видела.

— Это твоё, — сказала. — По наследству.

Серёжки — серебро с бирюзой. Браслет — тонкий, с монетками. Кольцо — простое, с узором.

— Мама, я не могу это взять.

— Можешь и возьмишь. Это для тебя хранилось. Бабушка так хотела.

Уход. Каждый вечер мама делала мне маски — из мёда, из трав, из того, что росло в огороде.

— В наше время косметики не было, — говорила она, размешивая что-то в миске. — А женщины были красивые. Знаешь почему?

— Почему?

— Потому что ухаживали за собой. Не для мужчин — для

себя. Потому что знали — женское тело священо. Его нужно беречь, кормить, любить.

Она накладывала маску на моё лицо. Пахло мёдом и ромашкой.

— Закрой глаза. Отдохни. Двадцать минут тишины — только для тебя.

Двадцать минут тишины. Когда последний раз я позволяла себе такое? Не помню.

Зеркало стало моим другом.

Не врагом, которого избегаешь. Не судьёй, который выносит приговор. Другом.

Каждое утро — смотреть. Видеть. Улыбаться своему отражению.

— Доброе утро, Асия, — говорила я себе. — Ты красивая.

Сначала — не верила. Слова застревали в горле. Какая красивая? Мешки под глазами, кожа серая, волосы тусклые.

Потом — начало меняться. По чуть-чуть. Мешки ушли — от сна и покоя. Кожа посветлела — от масок и свежего воздуха. Волосы заблестели — от масел, которые мама втирала каждый вечер.

Через месяц — я смотрела в зеркало и видела другую женщину.

Нет, не другую. Себя. Ту, которая была всегда, но спряталась. Заснула. Погасла.

Теперь — проснулась.

Женственность — это не про внешность.

Это понимание пришло позже. Когда внешность уже изменилась, а внутри всё ещё было пусто.

Женственность — это состояние.

Быть в контакте со своим телом. Чувствовать его — не как обузу, которую таскаешь, а как дар, который тебе дали.

Быть в контакте со своими эмоциями. Позволять себе чувствовать — радость, грусть, злость, нежность. Не запихивать внутрь, не давить, не отрицать.

Быть в контакте со своей силой. Той, которая не кричит. Которая — внутри. Глубоко.

Мама учила меня медленно, терпеливо. Как когда-то её учила бабушка. Как бабушку учила прабабушка.

— Сядь прямо, — говорила она за столом. — Спина — это достоинство. Сгорбленная женщина — побеждённая женщина.

Я выпрямлялась.

— Ешь медленно. Еда — не топливо. Еда — удовольствие. Женщина, которая ест как машина — и живёт как машина.

Я замедлялась.

— Говори тише. Крик — признак слабости. Шёпот слышат лучше, чем крик.

Я понижала голос.

— Двигайся плавно. Резкие движения — для мужчин. Женщина — вода. Течёт, обтекает, проникает.

Я училась двигаться иначе. Не быстро, не эффективно —

красиво.

Есть древняя татарская традиция — «кыз утыртмак». Посиделки девушек перед свадьбой, где старшие женщины учили младших.

Не сексу — жизни.

Как быть женой. Как быть матерью. Как быть женщиной.

Моя бабушка рассказывала о своих посиделках — восемьдесят лет назад, в деревне под Казанью.

«Нас было семь девушек — невест этого года. Мы сидели у старой Хадичи — ей было девяносто, она помнила ещё царские времена.

Она говорила нам:

— Девочки, запомните: мужчина женится на красоте, живёт с характером, старится с душой. Красота уйдёт — это закон. Характер останется — если воспитаете. Душа будет расти — если позволите.

— Как воспитать характер? — спросила одна из нас.

— Терпением. Мягкостью. Умением молчать, когда хочется кричать. Умением улыбаться, когда хочется плакать.

— Это же притворство!

— Нет, — сказала Хадича. — Это выбор. Ты выбираешь — кем быть. Каждую секунду выбираешь. Можешь быть злой, крикливой, обиженной. Можешь быть мягкой, тихой, мудрой. Выбор твой.

— А если муж плохой?

— Плохих мужей не бывает. Бывают неготовые. Твоя работа — помочь ему стать готовым. Не упрёками. Не скандалами. Терпением и любовью.

— А если не станет?

Хадича помолчала.

— Тогда ты сделала всё, что могла. И совесть твоя чиста. Но я скажу вам, девочки: за девяносто лет не видела ни одного мужчины, которого нельзя было бы смягчить. Если женщина — настоящая. Если она — вода, не камень.

Мы слушали, запоминали. Не всё понимали — молодые были. Потом, через годы — поняли».

Нежность к мужчине — особое искусство.

Не та нежность, которая липкая, навязчивая, душащая. Другая.

Та, которая даёт пространство. Которая не требует ответа. Которая просто — есть.

Мама говорила:

— Мужчина — как кот. Будешь гоняться — убежит. Будешь сидеть спокойно — придёт сам.

Я смеялась:

— Папа — как кот?

— Все мужчины — как коты, — серьёзно отвечала мама. — Им нужна свобода. Ощущение, что они выбирают. Что они — охотники, не добыча.

— И что делать?

— Быть интересной. Жить своей жизнью. Не растворять-

ся в нём полностью. Иметь свои дела, мысли, желания.

— А как же «одно тело, одна душа»?

— Одно — не значит одинаковое. Одно — значит вместе. Два разных человека, которые выбрали быть вместе. Каждый день выбирают. Это — союз, не поглощение.

В тетради мамы была запись о том, как она держала себя в годы папиного пьянства. Как оставалась женщиной — несмотря ни на что.

«Самое трудное было — не опуститься.

Когда муж пьёт, когда денег нет, когда работаешь на трёх работах — руки опускаются. Хочется надеть старый халат, стянуть волосы в пучок, забить на всё.

Я не позволяла себе.

Каждое утро — душ, крем, чистая одежда. Не для него — для себя. Чтобы смотреть в зеркало и видеть — женщину, не тряпку.

Каждый вечер — хоть десять минут у зеркала. Расчесать волосы. Посмотреть себе в глаза. Сказать: ты справишься, Нафиса. Ты сильная. Ты красивая. Ты — свет.

Ильгиз потом говорил:

— Знаешь, что меня держало в те годы? Ты. Не твои слова — ты не читала нотаций. Ты сама. Каждое утро — красивая, собранная, сильная. Я смотрел на тебя и думал: как она может любить такого, как я? Она заслуживает лучшего.

— И что? — спросила я.

— И я хотел стать лучше. Для тебя. Чтобы быть достойным. Три года я боролся с собой — и победил. Потому что ты верила в меня, даже когда я сам не верил.

Вот она — бархатная сила. Не слова, не требования, не упрёки.

Присутствие. Достоинство. Вера.

Женщина, которая верит в мужчину — делает его сильнее.

Женщина, которая сомневается — делает его слабее.

Это закон. Древний, как мир».

Загадка — это не игра в недоступность.

Загадка — это глубина.

Это когда мужчина смотрит в твои глаза и видит — бесконечность. Хочет узнать больше. Понять глубже. Дойти до сути.

Как стать такой?

Жить. По-настоящему жить. Не существовать, не функционировать — жить.

Читать. Думать. Чувствовать. Расти.

Женщина, которая не растёт — мелеет. Как река без притоков. Сначала широкая, полноводная. Потом — ручей. Потом — лужа.

Женщина, которая растёт — становится океаном. Бесконечным, непостижимым. Сколько ни плыви — не доплывёшь до конца.

Бабушка читала всю жизнь. Газеты, журналы, книги. В во-

семьдесят лет — осваивала интернет, чтобы читать новости.

— Зачем тебе? — спрашивала я в детстве.

— Чтобы быть интересной, — отвечала она. — Дедушка любит со мной разговаривать. О политике, о жизни, о мире. Если я не буду знать, что происходит — о чём мы будем говорить?

— О семье?

— О семье — пять минут. О любви — минута. А остальное время? Жизнь длинная, внучка. Нужно о многом разговаривать.

Она была права. Дед обожал с ней беседовать. В свои восемьдесят — сидели на кухне, спорили о политике, как молодые. Живые, увлечённые, интересные друг другу.

В этом — секрет долгих браков. Не только в любви, в страсти. В интересе. В том, что с годами не мелеешь — становишься глубже.

Рустам как-то сказал:

— Знаешь, что меня в тебе зацепило в первый день?

— Что?

— Ты спорила.

— В смысле?

— На курсах татарского. Преподаватель сказал что-то про историю языка, а ты возразила. Мягко, вежливо, но возразила. С аргументами. Со знанием.

— И что?

— Большинство девушек либо молчат, либо соглашаются.

Ты — имела своё мнение. Это редкость.

Я задумалась. Правда — редкость?

— Многие боятся, — продолжил он. — Боятся показаться умными. Боятся отпугнуть. Боятся, что мужчина не захочет умную.

— А ты?

Он улыбнулся.

— А я хочу умную. С которой интересно. С которой можно спорить до утра. С которой — не скучно.

— Даже через двадцать лет?

— Особенно через двадцать лет. Красота — временная. Ум — навсегда.

Женственность — это не слабость.

Повторю, потому что важно.

Это не — «быть ниже мужчины». Не — «соглашаться со всем». Не — «прятать свой ум, чтобы не пугать».

Это — быть собой. Настоящей, живой, глубокой.

Со своим мнением, которое можешь отстоять.

Со своими границами, которые можешь защитить.

Со своей силой, которая не кричит, но держит.

Татарские женщины никогда не были «слабым полом». Они держали дом, когда мужа уходили на войну. Они поднимали детей в голодные годы. Они строили жизнь из руин — снова и снова.

Но при этом — оставались женщинами. Мягкими, нежными, красивыми.

Потому что одно другому не мешает. Можно быть сильной — и нежной. Умной — и женственной. Независимой — и любящей.

Бархатная сила — это когда всё вместе. Когда нет противоречия между силой и мягкостью. Когда одно усиливает другое.

Снаружи — бархат. Внутри — железо.

Снаружи — нежность. Внутри — воля.

Снаружи — улыбка. Внутри — огонь.

После месяца в Казани я вернулась в Питер — другая.

Не внешне. Точнее, не только внешне.

Внутренне.

Я знала теперь — кто я. Откуда иду. Какая сила во мне течёт.

Сила четырёх поколений женщин. Зайтуны, Миляуши, Нафисы. Моя собственная — растущая, крепнущая.

Дима не узнал меня. Буквально — не узнал.

Когда я пришла забирать вещи, он открыл дверь и застыл.

— Асия?

— Да, — я улыбнулась. Спокойно, уверенно. — Здравствуй, Дима.

— Ты... изменилась.

— Да.

Он смотрел — впервые по-настоящему смотрел. Видел то, чего не видел три года.

— Может, поговорим? — спросил он. — Я был неправ.

Я...

— Не нужно.

Я вошла, собрала вещи — их оказалось до смешного мало. Три года, а общего — почти ничего.

— Асия, подожди, — он тронул меня за руку. — Я... я хочу попробовать снова. Ты сейчас такая... другая. Красивая.

Я посмотрела на него. Без злости, без обиды. С нежностью даже — к тому, что было. К трём годам, которые прошли.

— Дима, — сказала я мягко, — ты видишь меня, когда я красивая. Но ты не видел меня, когда я была рядом. Каждый день. Три года.

— Я исправлюсь.

— Может быть. Но не со мной.

Я вышла. Не хлопнула дверью — закрыла тихо. Как учила мама — без крика, без драмы.

Вышла — и пошла в свою новую жизнь.

Нежность к себе — первый урок.

Нежность к мужчине — второй.

Нежность к миру — третий.

Это когда смотришь вокруг — и видишь красоту. В капле дождя на окне. В старушке, кормящей голубей. В запахе свежего хлеба из пекарни.

Это когда не несёшься мимо — останавливаешься. Смотришь. Дышишь. Благодарíš.

Бабушка делала это каждый день. Выходила во двор, смотрела на небо, говорила:

— Спасибо за этот день.

Никому конкретно. Всему сразу.

Я не понимала в детстве. Потом — поняла.

Благодарность — это форма нежности. К жизни. К миру.
К тому, что тебе дано.

Женщина, которая благодарна — светится. Изнутри.
Мужчины это видят. Дети это чувствуют. Даже незнакомые
люди — тянутся.

Неблагодарная женщина — тусклая. Сколько косметики
ни наложи, сколько денег на наряды ни потратить. Тусклая —
потому что внутри пусто.

Рустам говорит, что полюбил меня за свет.

— Какой свет? — спрашиваю.

— Не знаю, как объяснить. Ты сидела в кафе после курсов.
Одна. Пила чай. И улыбалась.

— Чему улыбалась?

— Не знаю. Себе, наверное. Чаю. Дню. Жизни. Ты выгля-
дела... счастливой. Просто так. Без причины.

— И это тебя зацепило?

— Это меня сразило. Я подумал: хочу знать, что делает её
такой. Хочу быть рядом с этим светом.

Свет. То, о чём говорили бабушки.

Муж — опора. Жена — свет.

Не потому что так назначено. Потому что так работает.

Мужчина строит, женщина освещает. Мужчина держит,
женщина согревает. Мужчина — рама, женщина — картина.

Без рамы картина упадёт. Без картины рама — пустая.
Вместе — искусство.

Последний урок бабушка дала мне не словами — примером.

Ей было восемьдесят, деду — восемьдесят пять. Он болел — сердце, давление, суставы. Почти не вставал с кровати.

Бабушка ухаживала за ним. Каждый день — как первый. Как будто не пятьдесят лет позади, а только начало.

Она мыла его. Кормила с ложки. Меняла бельё. Делала всё то, что делают сиделки — но не за деньги, а по любви.

И при этом — оставалась красивой. Причёсанной, одетой, с серёжками в ушах.

— Бабушка, — спросила я однажды, — зачем ты наряжаешься? Он же всё равно почти не видит уже.

Она посмотрела на меня — спокойно, мудро.

— Он видит. Может, глаза плохие, но он видит. Чувствует. И даже если бы не чувствовал — я делаю это для себя. Чтобы не забыть, кто я.

— Кто ты?

— Его жена. Его любовь. Его свет. До последнего дня — его свет. Свет не гаснет, внушка. Даже когда темно. Особенно — когда темно.

Дед умер через месяц. Тихо, во сне. Держа бабушкину руку.

Последнее, что он сказал:

— Красивая ты у меня. Всегда была красивая.

Она плакала потом. Долго, горько. Но — после. Когда он ушёл. При нём — только улыбалась.

Свет до последнего.

Мудрость о нежности

#Бархатная сила #

Нежность — не слабость.

Нежность — выбор сильного.

Слабый не может быть нежным — у него нет на это ресурса. Он защищается, огрызается, прячется за агрессией.

Сильный — может позволить себе мягкость. Потому что внутри — железо. Потому что знает — устоит.

Татарская женщина — бархат снаружи, сталь внутри.

Улыбается — и держит.

Молчит — и побеждает.

Гнётся — и не ломается.

В этом — красота. В этом — мудрость. В этом — сила, которая не кричит о себе.

Загадка женщины

#Колодец без дна #

Загадка — не игра.

Загадка — глубина.

Мужчина смотрит — и хочет узнать больше. Видит — и понимает, что не всё видит. Живёт рядом — и каждый день открывает новое.

Как стать загадкой?

Расти. Каждый день — немного глубже. Каждый год — немного мудрее.

Читай. Думай. Чувствуй.

Не останавливайся.

Женщина, которая остановилась — мелеет.

Женщина, которая растёт — становится океаном.

Женственность

#Быть собой #

Женственность — не маска.

Не роль, которую играешь.

Не набор правил, которым следуешь.

Женственность — это ты. Настоящая. Живая. Со своим светом, своей глубиной, своей силой.

Не прячь ум — он тебя украшает.

Не гаси огонь — он тебя согревает.

Не теряй себя — ты нужна миру.

Такая, какая есть. Со всеми слоями. Со всеми гранями. Со всей бесконечностью внутри.

Эта глава — для тебя, читательница.

Если ты забыла, кто ты — вспомни. Посмотри в зеркало. Скажи себе: я красивая. Я сильная. Я — свет.

Если тебя гасят — уходи. Или меняй. Но не гасни. Это — преступление против себя.

Если тебе говорят, что нежность — слабость — не верь. Нежность — сила. Бархатная, мягкая, непобедимая.

Будь водой — точи камни.

Будь светом — разгоняй тьму.

Будь собой — это самое трудное и самое важное.

Снаружи — бархат. Внутри — сталь. В глазах — огонь. В сердце — любовь.

Вот что значит — татарская жениcina.

Глава бонусная #

Секреты татарской кухни

«Еда — это любовь, которую можно съесть»

Моя бабушка никогда не готовила по рецептам.

Ни одной кулинарной книги в доме. Ни одной записанной пропорции. Ни одного «две столовые ложки» или «триста грамм».

Она готовила руками. Сердцем. Памятью, которая жила в кончиках пальцев.

— Откуда ты знаешь, сколько соли? — спрашивала я в детстве, глядя, как она щепоткой — всегда одинаковой — солит тесто.

— Рука знает, — отвечала бабушка. — Рука помнит.

— А если забудет?

— Не забудет. Это как дышать. Разве ты забываешь, как дышать?

Не забывала. Никогда. До последнего дня — её рука знала.

Первый секрет, который она мне открыла, был не про еду. Про любовь.

Мне было семь лет. Я сидела на табуретке в её кухне и смотрела, как она месит тесто на бэлиш — большой пирог с мясом и картошкой.

— Бабушка, а почему у тебя тесто мягкое, а у мамы —

твёрдое?

Бабушка улыбнулась.

— Потому что я разговариваю с ним.

— С тестом?!

— С тестом. И с мясом. И с картошкой. Со всем, что готовлю.

Я захихикала. Думала — шутит.

Не шутила.

— Тесто живое, — объяснила она, продолжая месить. — Пока месишь — оно слышит. Чувствует твои руки, твоё настроение. Если злишься — тесто будет жёстким. Если торопишься — порвётся. Если любишь — станет мягким, послушным.

— Как это — любить тесто?

— Как любить ребёнка. Терпеливо. Нежно. Не спеша.

Она дала мне кусочек — память.

— Закрой глаза. Почувствуй, какое оно. Тёплое, да? Живое. Дышит.

Я закрыла глаза. И правда — тесто дышало. Под пальцами — мягкое, податливое, тёплое.

— Теперь скажи ему: будь вкусным. Про себя скажи.

Я сказала. Тихо, одними губами.

— Вот, — бабушка забрала кусочек. — Теперь оно знает, чего от него ждут. И постарается.

Второй секрет — про время.

Татарская кухня не терпит спешки. Это не фастфуд, не

перекус на бегу. Это — ритуал.

Бабушка начинала готовить бэлиш с утра. Не потому что долго — потому что правильно.

— Тесто должно отдохнуть, — говорила она. — Как человек после работы. Замесила — положи, накрой полотенцем, дай подумать.

— О чём тесту думать?

— О том, каким пирогом стать. Мягким или хрустящим. Тонким или пышным. Тесто решает само — если дать время.

Мясо она тоже готовила заранее. Резала на мелкие кусочки, солила, перчила, добавляла лук.

— Пусть познакомятся, — говорила. — Мясо, соль, лук. Пусть подружатся.

— Сколько знакомиться?

— Час. Два. Пока не пропитаются друг другом.

Современные люди думают — время тратится. Татарские женщины знали — время вкладывается. Каждый час ожидания — это вкус. Каждая минута терпения — это аромат.

Третий секрет — про руки.

Бабушка никогда не надевала перчатки, когда готовила. Ни разу.

— Руки должны чувствовать, — объяснила она. — Перчатка — как стена. Через стену не поговоришь.

Она месила тесто голыми руками — и тесто слушалось. Лепила эчпочмаки голыми руками — и треугольники получались идеальными. Формовала чак-чак голыми руками —

и каждая палочка была ровной.

— В руках — тепло, — говорила она. — Тепло тела, тепло души. Еда это чувствует. Еда, приготовленная тёплыми руками — согревает того, кто ест.

Я заметила: когда бабушка была расстроена или устала — она не готовила. Говорила: «Сегодня не мой день, поедим вчерашнее».

— Почему?

— Потому что плохое настроение перейдёт в еду. И тот, кто съест — тоже расстроится. Это как болезнь — заразная.

Четвёртый секрет — про молитву.

Перед каждым приготовлением бабушка читала короткую молитву. Тихо, про себя, одними губами.

— Что ты говоришь?

— Прошу благословения. На еду, на тех, кто будет есть. Чтобы пошло на пользу, не во вред.

— А если не попросить?

— Тогда просто еда. Топливо для тела. А если попросить — лекарство. Для тела и души.

Она не была фанатичной. Не заставляла молиться, не читала нотаций. Просто — делала. Каждый раз.

И знаешь что? Её еда действительно была другой. Не вкуснее — иначе. От неё становилось тепло внутри. Спокойно. Как будто кто-то обнял изнутри.

Может, совпадение. А может — благословение.

Пятый секрет — про соль.

— Соли должно быть столько, сколько любви, — говорила бабушка. — Мало любви — пресно. Много любви — горько. — Как понять — сколько? — Попробовать. Языком попробовать, сердцем почувствовать.

Она никогда не солила «на глаз» — всегда пробовала. Каждый раз. Каждое блюдо.

— Соль — коварная, — объяснила однажды. — Сегодня одна щепотка — в самый раз. Завтра — мало. Послезавтра — много. Соль меняется с погодой, с настроением, с тем, для кого готовишь.

— Как это — с тем, для кого?

— Дедушка любит посолонее. Ты — помягче. Гости — по-разному. Хорошая хозяйка помнит вкус каждого.

Она помнила. Всех гостей, которые приходили за сорок лет — помнила. Кто любит острое, кто — пресное, кто — кислое.

— Как ты запоминаешь?

— Сердцем. Сердце помнит тех, кого любишь. А их вкус — часть их.

Шестой секрет — про лук.

Лук — главный овощ татарской кухни. Он везде — в тесте, в начинке, в супах, в салатах.

— Лук — как женщина, — говорила бабушка, снимая золотистую шелуху. — Много слоёв. Снаружи — сухой, некрасивый. Внутри — сочный, сладкий. Заставляет плакать —

но без него никак.

Она резала лук особым способом — тонко, полукольцами, всегда в одном направлении.

— Если резать туда-сюда — лук обидится. Будет горьким.

— Лук обижается?!

— Всё обижается, если неправильно обращаться. Лук — особенно. Он ведь плакать заставляет. Значит, чувствует сильнее других.

Странная логика? Может быть. Но её лук никогда не горчил. Даже сырой — был сладким, мягким.

— Секрет, — говорила она, — обдать кипятком после нарезки. Одна секунда — не больше. Горечь уйдёт, сладость останется.

Седьмой секрет — про мясо.

Мясо для татарских блюд должно быть особенным. Не любое — правильное.

— Молодое мясо — для быстрых блюд, — учила бабушка. — Старое — для долгих. Молодое нежное, но безвкусное. Старое жёсткое, но ароматное.

— Как отличить?

— По цвету. Молодое — розовое, светлое. Старое — тёмное, как вишня. И по жиру. У молодого жир белый. У старого — жёлтый, иногда оранжевый.

Для бэлиша она всегда брала мясо «средних лет» — не молодое, не старое.

— Как человек, — смеялась она. — Молодой — краси-

вый, но глупый. Старый — мудрый, но скучный. Средний возраст — самый вкусный.

Восьмой секрет — про тесто для разных блюд.

Тесто — основа татарской кухни. Но не всякое тесто подходит для всего.

— Для бэлиша — тесто на кефире, — говорила бабушка.
— Мягкое, податливое. Чтобы сок внутри держало, не выпускало.

— Для эчпочмаков?

— На масле. Хрустящее снаружи, но не ломкое. Чтобы треугольник форму держал.

— Для кыстыбый?

— На молоке. Тонкое, как бумага. Чтобыгнулось, не рвалось.

— Для чак-чака?

— На яйцах. Много яиц, мало воды. Чтобы в масле не размокло, форму сохранило.

Каждое тесто — отдельная наука. Отдельная любовь.

Современные хозяйки берут универсальное тесто из магазина. Для всего одно. Бабушка качала головой:

— Это как одно платье на все случаи. Можно, но некрасиво. У каждого случая — своё платье. У каждого блюда — своё тесто.

Девятый секрет — про мёд.

Чак-чак — главный татарский десерт — невозможен без мёда. Но не любого.

— Мёд должен быть свежим, — говорила бабушка. — Этого года. Прошлогодний засахарился — не годится.

— А если растопить?

— Можно. Но вкус уже не тот. Свежий мёд — живой. Прошлогодний — уснул.

Она покупала мёд только у одной женщины на рынке — Фарида-апа. Ездилa через весь город, хотя рядом с домом продавали.

— У Фарида пчёлы добрые, — объяснила однажды. — Злые пчёлы — горький мёд. Добрые — сладкий.

— Откуда ты знаешь, какие у неё пчёлы?

— По лицу знаю. Посмотри на пчеловода — и поймёшь, какой мёд. Фарида — добрая. Значит, и пчёлы её — добрые.

Странная логика? Опять же — может быть. Но Фаридин мёд действительно был особенным. Не приторным, не резким — мягким, как бархат.

Десятый секрет — про температуру.

— Масло для жарки должно быть злым, — говорила бабушка. — Кипеть, шипеть, брызгаться. Тогда тесто сразу схватится, не впитает лишнего.

— А если масло добрым будет?

— Тогда тесто станет жирным, тяжёлым. Есть неприятно.

Она проверяла температуру кусочком теста — бросала в масло, смотрела.

— Если сразу всплыл и зашипел — готово. Если утонул — рано. Если подгорел — поздно.

Для чак-чака — масло очень горячее. Для беляшей — чуть холоднее. Для лепёшек — ещё холоднее.

— У каждого блюда — своя температура, — учила она. — Как у человека. У кого-то темперамент горячий, у кого-то — холодный. Надо чувствовать.

Одиннадцатый секрет — про бульон.

Бульон в татарской кухне — основа основ. На нём варят супы, им заливают пироги, его пьют отдельно — как лекарство.

— Бульон должен кипеть еле-еле, — говорила бабушка. — Пузырьки — маленькие, ленивые. Если сильно кипит — мясо станет жёстким, бульон — мутным.

— Сколько варить?

— Пока мясо не запоёт.

— Как это — запоёт?

Она показала. Вилкой проткнула мясо в кастрюле. Сок вытек — прозрачный, золотистый.

— Видишь? Поёт. Светлый голос, чистый. Значит — готово.

— А если не поёт?

— Тогда голос хриплый. Сок розовый, мутный. Значит — ещё петь не научилось.

Её бульон был прозрачным, как слеза. Золотистым, как закат. Ароматным — на всю улицу.

Соседки завидовали. Просили рецепт. Бабушка давала — но у них не получалось так же.

— Почему?

— Потому что торопятся, — вздыхала бабушка. — Бульон не терпит спешки. Бульон — это время, превращённое во вкус.

Двенадцатый секрет — про специи.

Татарская кухня не острая. Не резкая. Мягкая, обволакивающая.

— Специи — как духи, — говорила бабушка. — Капля — аромат. Ложка — вонь.

Она использовала мало специй — но точно.

Чёрный перец — для мяса. Совсем немного, на кончике ножа.

Лавровый лист — для бульона. Один листик, не больше.

Укроп — для супа. Свежий, в самом конце, чтобы не потерял цвет.

— А другие специи?

— Зачем? Хорошее мясо само вкусное. Хорошие овощи сами ароматные. Специи нужны, чтобы скрыть плохое. А плохое готовить не надо.

Она была права. Её еда была простой — и прекрасной. Без сложных соусов, без экзотических приправ. Просто хорошие продукты, приготовленные с любовью.

Тринадцатый секрет — про формы.

Каждое татарское блюдо имеет свою форму. Не случайную — символическую.

— Эчпочмак — треугольник, — объясняла бабушка. —

Три угла. Отец, мать, ребёнок. Семья.

— А бэлиш?

— Круг. Солнце. Жизнь, которая продолжается.

— Кыстыбый?

— Полукруг. Луна. Женское начало, мягкость.

— Чак-чак?

— Горка. Гора. Богатство, изобилие.

Когда она лепила эчпочмаки — делала это медленно, аккуратно. Каждый угол — точный, острый.

— Кривой треугольник — кривая семья, — говорила. — Шутка, конечно. Но руки должны помнить — форма важна.

Четырнадцатый секрет — про дырочку.

В бэлише — большом пироге с мясом — всегда есть дырочка сверху. Маленькая, в центре.

— Зачем?

— Чтобы пирог дышал, — объясняла бабушка. — Внутри мясо варится в собственном соку. Пар должен выходить, иначе — порвёт.

— Но сок же вытечет!

— Не вытечет. Дырочка маленькая, сок густой. Пар выходит, сок остаётся.

Она делала дырочку особым способом — вырезала кружочек теста, но не выбрасывала. Клала рядом, как крышечку.

— Когда пирог почти готов — закроешь. Последние десять минут дырочка закрыта. Тогда сок загустеет, станет как соус.

Её бэлиш всегда был сочным. Разрезаешь — и золотистый бульон внутри, густой, ароматный. Не вытекает — ждёт.

Пятнадцатый секрет — про отдых.

После духовки любое блюдо должно отдохнуть.

— Пирог — десять минут, — говорила бабушка. — Не меньше. Пусть остынет немного, соберётся с мыслями.

— С мыслями?!

— С соками. В горячем пироге соки бегают туда-сюда. Как люди на пожаре. Если сразу резать — всё вытечет. А если дать отдохнуть — соки успокоятся, останутся внутри.

То же с мясом. С курицей. С любым горячим блюдом.

— Терпение, — учила она. — В еде — как в жизни. Кто терпит — получает лучшее.

Шестнадцатый секрет — про посуду.

У бабушки была особая посуда для особых блюд.

Чугунная сковорода — для беляшей. Тяжёлая, чёрная, с толстым дном.

— Сковорода помнит, — говорила она. — Двадцать лет на ней жарю — она знает, что делать. Новая сковорода — глупая. Старая — мудрая.

Глиняные горшки — для губадии. Маленькие, пузатые, с крышками.

— Глина дышит. Еда в глине — живая. В металле — мёртвая.

Деревянная скалка — для теста. Отполированная годами, гладкая как шёлк.

— Эта скалка ещё моей бабушки была. Сто лет катает. Сто лет помнит.

Она не мыла скалку моющим средством — только водой. Говорила:

— Химия убивает память. Скалка забудет, как катать.

Семнадцатый секрет — про порядок.

Ингредиенты добавлялись в строгом порядке. Не произвольно — правильно.

— Сначала лук, — объясняла бабушка, делая за жарку. — Лук — основа. Пусть станет золотым, сладким.

— Потом?

— Потом морковь. Она дольше готовится.

— Потом?

— Потом мясо. Оно должно схватиться, покрыться корочкой.

— А соль?

— Соль — в конце. Если посолить сразу — мясо станет жёстким, сок выйдет.

Этот порядок — не из книги. Из опыта. Из сотен проб и ошибок.

— Бабушка, откуда ты всё это знаешь?

— От своей бабушки. Она — от своей. И так — назад, до самого начала.

Восемнадцатый секрет — про настроение.

— Злая готовить не садись, — говорила бабушка строго. — Лучше голодной остаться, чем злой еду есть.

— Почему?

— Злость переходит в еду. Ешь — и злишься. Даже если не знаешь почему.

Она никогда не готовила, когда была расстроена. Ждала, пока отпустит.

— Что делать, если надо готовить, а настроение плохое?

— Сначала исправь настроение. Выйди на улицу, подыши. Посмотри на небо. Вспомни что-то хорошее. Потом — готовь.

Я проверяла потом. Когда готовила злая или расстроенная — еда получалась... не такой. Съедобной, но без души. Безвкусной, хотя все ингредиенты те же.

Совпадение? Самовнушение? Может быть. А может — бабушка была права.

Девятнадцатый секрет — про любовь.

— Главный ингредиент любого блюда — любовь, — говорила бабушка. — Остальное — приложение.

— Как добавить любовь?

— Думать о тех, для кого готовишь. Представлять, как они едят. Как улыбаются. Как говорят «вкусно».

Она всегда представляла. Готовит для деда — думает о нём. Какой у него был день, устал ли, что любит сегодня. Готовит для внуков — думает о нас. Маленькие руки, которые хватают кусочки. Щёки, перемазанные мёдом.

— Когда думаешь о любимых — руки сами делают правильно, — говорила она. — Любовь — лучший учитель.

Двадцатый секрет — про подачу.

Мало приготовить вкусно. Надо подать красиво.

— Глаза едят первыми, — говорила бабушка. — Если красиво — уже вкусно. Наполовину.

Она украшала каждое блюдо. Не сложно — просто.

Веточка укропа на супе.

Лист салата под эчпочмаками.

Горка чак-чака в форме горы, политая мёдом так, чтобы стекал по бокам.

— Это не ресторан, — говорила. — Это дом. Но дом должен быть красивее ресторана. Потому что здесь — любовь.

Двадцать первый секрет — про тишину.

Бабушка готовила в тишине. Без радио, без телевизора, без разговоров.

— Когда готовишь — разговариваешь с едой, — объясняла она. — Если болтать с кем-то другим — еда обидится. Подумает — она не важна.

Я смеялась сначала. Потом — перестала.

Заметила: когда готовлю в тишине, сосредоточенно — получается лучше. Когда под телевизор, на бегу — хуже.

Совпадение? Концентрация? Или бабушка была права — еда слышит?

Не знаю. Но готовлю теперь в тишине.

Двадцать второй секрет — про благодарность.

После еды бабушка всегда говорила короткую молитву благодарности.

— За еду, за руки, которые готовили, за землю, которая вырастила.

Не формально — искренне.

— Благодарность — это круг, — объясняла она. — Благодарить сегодня — завтра будет за что благодарить. Не благодаришь — круг разрывается.

Она благодарила всё. Корову за молоко. Пшеницу за муку. Пчёл за мёд.

— Всё живое, — говорила. — Всё отдаёт тебе часть себя. Скажи спасибо.

Последний секрет бабушка открыла мне перед смертью. Самый главный.

Мы сидели на кухне. Она уже почти не могла ходить, но на кухню приходила каждый день. Сидела, смотрела, как я готовлю.

— Асиенька, — позвала она.

— Да, бабушка?

— Подойди.

Я подошла. Она взяла мои руки в свои — сухие, морщинистые, тёплые.

— Помнишь всё, что я тебе говорила?

— Помню.

— Про тесто, про соль, про любовь?

— Помню.

— Это всё — правда. Но есть ещё одна вещь. Самая важная.

— Какая?

Она помолчала. Собралась с силами.

— Еда — это не про еду. Еда — это про семью. Про людей, которые сидят за столом. Про разговоры, которые ведут. Про смех, который звучит. Про любовь, которая передаётся с каждым кусочком.

Она сжала мои руки крепче.

— Ты можешь приготовить идеально. По всем правилам. Но если за столом нет любви — еда пустая. И наоборот — можешь сжечь пирог, пересолить суп, испортить всё. Но если за столом любовь — никто не заметит.

— Почему?

— Потому что люди приходят не за едой. За теплом. За ощущением, что они нужны, что их ждали, что для них старались. Еда — только повод. Повод собраться вместе. Повод сказать: я люблю тебя.

Она улыбнулась.

— Помнишь, что я говорила вместо «я люблю тебя»?

— Поешь.

— Вот. Поешь — это и есть «я люблю тебя». На нашем языке. На языке татарских женщин.

Рецепты с любовью

Не пропорции — состояния. Не граммы — чувства.

#Бэлиш #

Пирог, в котором живёт семья

Тесто — мягкое, как материнские руки. Замеси на кефире, дай отдохнуть, пока не задышит.

Начинка — мясо с картошкой и луком. Режь мелко, соли нежно, дай познакомиться.

Форма — круг. Солнце твоей семьи.

Дырочка сверху — чтобы дышал. Закрой в конце — чтобы сок остался.

Пеки — пока не запоёт. Отдохни десять минут — пока соберётся с мыслями.

Ешь — с теми, кого любишь.

#Эчпочмаки #

Треугольники семейного счастья

Тесто — на масле, хрустящее. Раскатай тонко, режь кругами.

Начинка — мясо, картошка, лук. Всё сырое, всё мелко, всё с любовью.

Форма — треугольник. Три угла: отец, мать, ребёнок. Леги аккуратно — углы острые.

Пеки — пока не станут золотыми.

Ешь — горячими, с пылу с жару. Внутри — сок. Не торо-

пись — обожжёшься.

#Чак-чак #

Гора сладости для тех, кого ждёшь

Тесто — на яйцах, много яиц. Раскатай, режь соломкой.

Масло — злое, кипящее. Бросай по чуть-чуть, жди, пока всплывут.

Мёд — свежий, добрый. Растопи, не кипяти.

Залей, перемешай, сложи горкой. Дай остыть — пока не схватится.

Ешь — отламывая кусочки. Делись — чак-чак не едят в одиночку.

#Токмач #

Суп, который лечит душу

Бульон — из курицы, долгий. Вари на медленном огне, пока не станет золотым.

Лапша — домашняя, тонкая. Замеси тугое тесто, раскатай как бумагу, режь ниточками.

Вари лапшу в бульоне — три минуты, не больше.

Укроп — в конце, свежий.

Ешь — когда болеешь или грустишь. Суп вылечит. Проверено веками.

#Кыстыбый #

Лепёшки-полумесяцы с начинкой

Тесто — на молоке, тонкое. Раскатай круги, жарь на сухой сковороде.

Начинка — пшённая каша с маслом. Или картофельное

пюре. Или то и другое.

Сложи пополам — полукруг, луна.

Смажь маслом сверху — пока горячие.

Ешь — руками, обжигаясь, облизывая пальцы.

Мудрость кухни

#Для тебя, читательница #

Если ты никогда не готовила татарские блюда — попробуй. Не ради экзотики — ради любви.

Встань раньше обычного. Завари чай. Помолчи.

Возьми продукты в руки. Почувствуй их. Поговори с ними — про себя, никто не услышит.

Готовь медленно. Без телевизора, без телефона. Только ты и еда.

Думай о тех, для кого готовишь. Представляй их лица. Улыбки. Благодарность.

Накрой стол красиво. Даже если ты одна. Особенно — если одна. Ты заслуживаешь красоты.

Поешь. С благодарностью. С радостью. С любовью.

И ты поймёшь — бабушка была права.

Еда — это не про еду.

Еда — это про любовь.

Поешь.

Это я говорю тебе — «я люблю тебя».

На языке татарских жёниц.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ЧЕТВЕРТАЯ ТЕТРАДЬ

«Кысмет пишется не чернилами — кровью. Переписать нельзя. Можно только дочитать»

Глава 31 # # Запах лжи

Я почувствовала это раньше, чем поняла.

Живот.

Не голова — живот. Там, где девять месяцев жила Зайтуна. Там, где женщины моего рода хранят правду — ту, которую не хочется знать.

Рустам пришел с работы, поцеловал меня в висок, сказал «привет, мои девочки» — и прошел в ванную. Как обычно. Как каждый вечер. Как последние три года нашей идеальной, правильной, *ненастоящей* жизни.

Только раньше он не шел в ванную сразу.

Раньше — садился на пол к Зайтуне, брал ее на руки, подбрасывал, ловил визг. Раньше — заходил на кухню, заглядывал в кастрюлю, обнимал меня со спины, утыкался носом в шею и стоял так — молча — пока я не говорила «пусти, суп убежит».

Раньше — пах черным кофе. Горьким, крепким, без сахара. Его запахом. Запахом правды.

Сегодня от него пахло ванильным капучино.

Сладким.

Чужим.

Прабабушка Зайтуна писала в своей тетради — той, коричневой, с латунной застежкой:

«Женщина чувствует ложь не ушами. Животом. Там, где

дети. Там, где нельзя соврать. Когда мужчина врет — у женщины сводит живот. Это не ревность. Это кровь говорит. Слушай кровь».

Я слушала.

Кровь кричала.

Три года. Три года мы были счастливы — так, как бывает счастлив человек, который нашел дом после долгих скитаний. Первый год — пьяные от совпадения. От того, как он смотрел на меня через стол в кафе на курсах татарского — будто увидел что-то, чего сам давно искал. От того, как впервые поцеловал — у мечети Кул-Шариф, под дождем, и я думала: *вот он, мой кысмет, вот он, вот.*

Второй год — Зайтуна. Роды. Бессонница. Тело, которое я не узнавала в зеркале — рыхлое, чужое, в растяжках и молоке. Рустам менял подгузники, вставал ночью, носил дочку на руках часами и говорил мне бабушкиными словами: *«Ты — свет этого дома».*

И я верила.

Третий год —

Третий год он стал приходить домой пахнущий ванильным капучино.

Я не стала проверять его телефон.

Не стала нюхать рубашки.

Не стала устраивать сцен — тех, что показывают в сериалах, где женщина кричит, швыряет тарелки, рыдает с тушью по щекам, а мужчина стоит в дверях и бормочет «это не то,

что ты думаешь».

Нет.

Я сделала то, чему научили тетради.

Я стала *смотреть*.

Тихо. Внимательно. Как Зайтуна-прабабушка смотрела на Закира первый год — запоминая, как он двигается, что ест, когда молчит, когда врет. Как Нафиса смотрела на Ильгиза — считая бутылки, считая дни, считая шансы.

Татарская жена не кричит. Татарская жена *видит*.

И я увидела.

Телефон экраном вниз — раньше клал вверх.

Душ сразу с порога — раньше мог ходить в офисной рубашке до ночи.

Новый одеколон — том-форд, пряный, густой. Раньше не пользовался ничем.

Взгляд, который скользит *сквозь* меня — будто я стала мебелью. Частью кухни. Продолжением стены.

И смех. Новый смех — тихий, нежный, в телефон, когда думает, что я не слышу. Раньше так смеялся только со мной.

Знаете, что больше всего?

Не факт измены. Не чужая женщина. Не ложь.

Больше всего — узнавание.

Когда видишь *свои* жесты — в его руках. Свои интонации — в его голосе. Свою нежность — но направленную мимо. Как луч фонарика, который светил тебе в л

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.